

Антонина Дельви́г

A black and white photograph of a woman lying face down in a coffin. She is wearing a floral-patterned dress. Her arms are spread out to the sides. Several bright pink flowers are scattered around her body. The coffin is set into a dark, textured stone or concrete surface. The overall mood is somber and poignant.

**КОГДА
ПОЗОВЕТ
СМЕРТЬ**

Антонина Дельви́г

Антонина Дельви́г

Когда позовет смерть

«Издательские решения»

Дельвиг А.

Когда позовет смерть / А. Дельвиг — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-908604-4

Действие разворачивается на живописном греческом островке Ялос. Загадочная смерть прерывает течение жизни обитателей виллы «Анис». Под знаком смерти и хозяйка дома Джулия, которая успела сблизиться с русской парой — братом и сестрой, Арсением и Марусей, приехавшими на остров поправлять здоровье. Юный сыщик Арсений, используя свои незаурядные дедуктивные способности, помогает полиции раскрыть запутанные преступления. А его старшая сестра на фоне ужасных событий, похоже, находит свою любовь...

ISBN 978-5-44-908604-4

© Дельвиг А.

© Издательские решения

Содержание

Море, Пальмы... Остров Ялос	6
Начало Расследования	34
Конец ознакомительного фрагмента.	37

Когда позовет смерть

Антонина Дельвиг

© Антонина Дельвиг, 2018

ISBN 978-5-4490-8604-4

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Море, Пальмы... Остров Ялос

Небо было синее-пресинее. Совершенно бездонное. Летом оно совсем иное, летом оно выгорает от жары, мутится белесым маревом и оттого кажется не таким высоким. Море тоже синее-пресинее, еще синей неба – того невысказанного цвета, которого в природе вроде бы и не существует, по крайней мере, в других частях света; флуоресцирующее, веером испускающее потоки солнечных бликов, от которых больно глазам. Поэтому очки необходимы. Волны набегают на берег с умиротворяющим постоянством, утюжат белый песок, легко, как костяшками пальцев, постукивают мелкой галькой, и гулко хлопают, натываясь на камни. Бухта великолепна, просто идеальна в своих пропорциях – крутые желтоватые скалы щербатым полумесяцем вдаются в море, естественный волнолом, о который, пенясь, разбиваются валы, защищая гавань от штормов. Редкие искореженные ветрами кедры лепятся корнями к неприступным уступам, дальше от воды превращаясь в густой лес, который почти доверху окутывает зеленой шубой гору, прикрывающую залив от остального мира. Вершина горы белеет каменной тонзурой, откуда, как говорят, открывается, ну, совершенно фантастический вид. Легко верится!

У подножия раскинулся дорогой отель, выстроенный в эклектичном мавританском стиле – роскошном до чрезмерности; со стороны моря он кажется сказочным дворцом, возведенным каким-нибудь вполне могущественным восточным властелином для услады своей избалованной возлюбленной. Меж чертогов, взбирающихся вверх по террасам, разбит пышный парк, изобилующий редкими растениями, с водопадами и стремящимися к морю ручьями, в которых снуют золотые рыбки. Даже сейчас, в марте, парк уже в цвету, впрочем, тут круглый год какая-нибудь да жизнь... Особенно хороши кустарники да деревья. Взять хотя бы магнолии, обсыпанные розовыми толстолистными, какими-то мясистыми цветками, каждое величиной с чайное блюдце, или кружевные бархатные мимозы – желтые, вырви глаз, или увивающие стены бледно-сиреневые пенные глицинии, ну и, конечно, несравненное Иудино дерево – у того в алом цветковом кипении просто ствола с ветками не видать. Красота неземная! Можно тихонько лежать в шезлонге, греясь в лучах пока еще не горячего солнца, чуть смежив веки, чтобы красочная чрезмерность не повредила северные мозги, привыкшие в указанное время года различать только три цвета: черный, белый да серый с его, безусловно, многочисленными оттенками... И пить теплый благоуханный воздух – большими и маленькими глотками, главное в этом деле не захлебнуться.

Маруся вздохнула и, сев, пошарила ногами в поисках шлепанец. Хочешь, не хочешь, а придется отправляться за братцем, сам он ни за что не оторвется от компьютера, так и будет сидеть в душном номере до самого обеда. Набросив на себя сарафан и подхватив полотенце, Маша направилась по гальке к проходу в невысокой каменной ограде, отделяющей парк от пляжа. Поднявшись по ступенькам, она миновала цветущий кустарник и остановилась на краю бассейна. Этот бассейн в отличие от остальных, в обилии разбросанных по территории отеля, наполнен подогретой морской водой и помещается на каменном лепестке, выдвинувшемся на пляж поближе к прибою. Отсюда отлично видно и море, и причал с несколькими покачивающимися на волнах белоснежными яхтами, слышится плеск набегающих волн, а в то же время можно купаться пока море еще ледяное. Поколебавшись, она поболтала ногой в бирюзовой воде – да, в самом деле, вполне теплая. Может и правда окунуться? Как-нибудь... потом...

– Эй! – донесся до ее ушей возглас, – Вы не могли бы помочь?

Маруся вздрогнула от неожиданности, ей-то казалось, что она у бассейна одна: ранняя весна, постояльцев немного. Сезон на этом греческом островке начинается намного позднее – примерно в середине мая, пляж и парк – огромные, вот и кажется, что вокруг никого. К бассейну вынесено всего-то с пяток шезлонгов, очевидно пока больше и не требуется. В одном

из них расположилась весьма стройная загорелая женщина в ослепительно белом купальнике, который замечательно контрастировал с ровным золотистым цветом ее кожи. Длинные рыжие волосы убраны кверху и оборачивают голову неким подобием тюрбана, руки унизаны серебряными кольцами браслетов. Внешность, безусловно, бросающаяся, но без всякой вульгарности, что встречается довольно редко. Трудно ее было не заметить. Разговаривала незнакомка по-английски; впрочем, это ничего не говорило о ее национальной принадлежности, в отеле все так обращаются друг к другу, если, конечно, не земляки: немцы между собой, естественно, пользуются родным языком, французы или шведы – тоже, а вот при первой встрече они заговорят друг с другом на английском, хотя, возможно, впоследствии и выяснится, что для них лучший выход – французский или немецкий. Это как эсперанто.

Маша послушно кивнула и поспешила на зов. За последний год она привыкла безропотно выполнять любые команды, от кого бы они ни исходили. Особенно от старших. А женщине, скорей всего, около тридцати, впрочем, она в отличной форме и весьма хороша собой. Медно-волосая красавица, с породистыми, чуть крупноватыми чертами лица, прекрасно осознающая свои достоинства – это разлито в каждом ее жесте, что вполне естественно; обладая такими формами, в частности, ногами, любая женщина ощущала бы себя подобным образом.

– Вы не намажете мне спину? Если не трудно... – с улыбкой попросила незнакомка, протягивая оранжевую бутылочку с солнцезащитным кремом. – В отеле – почти никого, хоть служителя проси... Да и те все куда-то подевались... Не понимаю людей... лучшее время года, так нет, сидят по домам, высиживают, дожидаются жары, когда тут станет невозможно... Я, например, на лето всегда уезжаю, откочевываю на север... – она неожиданно подмигнула, – Но нам без них только лучше, правда?

Маша снова молча кивнула. Взяв из рук красавицы флакон с кремом, она плеснула на ладонь голубоватой жидкости и стала осторожно натирать подставленную спину, стараясь не испачкать белоснежный купальник. Под ухоженной мягкой кожей прощупывались вполне упругие мускулы – красавица, должно быть, проводит в тренажерном зале прилично времени.

– Спасибо, – поблагодарила та, поворачиваясь. – Намажься тоже. Это только так кажется, что солнце не жжет... Весной воздух чистый, промытый дождями, никакой пыли, вмиг можно сгореть, особенно с такой бледной кожей, как у тебя. Вы русские? Мне сказали, в отеле поселились русские.

Маруся опять только кивнула в ответ, ощущая себя уже почти что болванчиком. Китайским, а не русским. Таким, у которого глиняная головка на пружинке, и все время покачивается. Пора было бы уже разлепить губы и издать какой-нибудь членораздельный звук.

– Тебе мама не говорила, что так можно и сгореть? Хотя, может, она тоже думает, что еще слишком рано. Я ей скажу...

– Мы здесь с братом одни, – негромко кашлянув, наконец, пробормотала Маша. Английские слова выглатывались с трудом. Когда долго молчишь, отвыкаешь и от родного языка, не то что от чужого. – С моим младшим братом, – добавила она зачем-то.

– А что сейчас какие-то каникулы? Как же это вас отпустили? Так надолго. А учеба? Говорят, у вас заплачено по самый июль, – она придирчиво оглядела Машу с ног до головы, – Ну и как там у вас в России, настолько плохо, как пишут в наших газетах, или все-таки чуть лучше?

– По-разному, – пробормотала Маруся, – очень по-разному...

– Да уж, судя по тому, что вы здесь... должно быть не настолько, – она снова окинула Машу оценивающим взглядом и покачала головой, – Впрочем, если судить по твоему виду... Извини за прямолинейность, но может показаться, будто тебя не кормили, по меньшей мере, полгода. Одни глаза остались!

– Год, – поправила ее Маша. – На самом деле, скоро будет уже год.

На это общительная иностранка не нашлась что ответить. Она лишь хмыкнула, губы ее изогнулись в недоверчивой усмешке, а темно-рыжие брови взметнулись вопросительными знаками над загорелым веснушчатым лицом. Впрочем, как говорят французы, женщина и не женщина вовсе, если у нее лицо без веснушек, но и с этим у незнакомки было все в порядке.

И вдруг Маруся, плюхнувшись в соседний шезлонг, неожиданно для себя принялась излагать колоритной чужестранке – по сути, первой встречной, свою невеселую историю. Возможно, в незнакомке и было нечто располагающее к подобной откровенности, но, скорей, Маше просто необходимо было, наконец, выплеснуться, а чужак подходит для подобной цели гораздо лучше, чем старый знакомец. И обстановка непривычная тоже к этому располагает, рисуется совсем иной узор поведения.

На самом-то деле Марусе вовсе не четырнадцать или пятнадцать лет, как кажется слишком многим, а целых двадцать, и она успела отучиться в Инязе полных два курса, прежде чем с ее семьей случилось непоправимое: родители с младшим сыном по пути на дачу попали в аварию. Маша в тот день с ними не поехала, собиралась на день рождения. Грузовик вылетел на встречную полосу, в лоб, водитель был трезвый, наверное, он заснул за рулем, хотя узнать теперь это не у кого, потому что сам он покоится на одном из подмосковных кладбищ. На Ваганьковское кладбище отвезли и Марусиных родителей. Брат с переломом позвоночника попал в реанимацию, а Марусю через три месяца после похорон отправили в нервную клинику, по-другому говоря – дурдом. Нет, она не пыталась выброситься с восьмого этажа, и не глотала пригоршнями снотворное. Ничего такого она не делала, просто тихонько плакала с утра до вечера, не спала ночами, а организм ее тем временем понемногу перестал принимать пищу. Желудок в буквальном смысле возвращал любой проглоченный кусок, каким бы крохотным тот ни был. Довольно скоро из бойкой цветущей розовощекой девушки, немного склонной к полноте, она превратилась в дохленького синенького цыпленка, у которого сквозь кожу светятся все его косточки, и родственники – дядя Олег и его жена Валя, просто вынуждены были передать ее в руки специалистов. Надо сказать, что на дядю с теткой лег, конечно, тяжкий груз: мало того, что Олег страшно переживал смерть любимой сестры, у них на руках кроме своих детей, восьмилетних двойняшек, в одночасье оказалось двое племянников-инвалидов: девятнадцатилетняя Маша, живущая на капельницах с глюкозой, с совершенно непонятными перспективами, и четырнадцатилетний Арсений, которому делали операцию за операцией. Бедняга сначала даже пальцами не шевелил, и лишь год спустя он смог сидеть в инвалидном кресле – теперь у него не работали только ноги, ожила вся верхняя часть, что считалось чуть ли не подарком судьбы, настолько неутешительны были первоначальные прогнозы. Но встать на ноги ему, конечно, уже не суждено.

Маруся теперь жила в больнице, но кошмар был в том, что несмотря на лечение, никакого улучшения на самом деле не происходило. Со стороны могло показаться, будто состояние ее стабилизировалось, она перестала худеть – очевидно, уже дальше просто некуда было: для существования девушке теперь хватало капельниц с глюкозой, питательных клизм, да аминокислот с витаминами. Но это состояние, понятно, было именно состоянием, существованием, а не жизнью. Причем существованием в непосредственной близости от кончины, которая неминуемо наступит, если вдруг по какой-то причине прекратятся вливания. По статистике до пятнадцати процентов случаев *anorexia nervosa* заканчиваются летальным исходом – больной умирает от истощения. Остальные – полным выздоровлением. Методик лечения практически не существует, так только, пытаются вывести из сопутствующей депрессии. Странное заболевание: все органы, все системы работают нормально, но сам по себе организм нежизнеспособен. Не желает он жить, и все тут. Такая неутешительная картина.

И вот как-то Олег, заскочивший к племяннице в больницу в свой обеденный перерыв буквально на пять минут, открыл свой объемистый адвокатский портфель, вывалил на кровать кучу новых глянцевого журналов, достал оттуда же жестяную коробку для завтраков,

и с видом – чего я тебе принес! – разложил на тарелочке пяток золотистых пирожков, еще теплых. Настоял, чтобы Маша сейчас же съела хотя бы один, дабы он в свою очередь мог с чистой душой передать тете Валечке ее похвалы, потому как вкусней ничего не бывает, он пробовал. Марусе ничего не оставалось, как выполнить его, в общем-то, вполне понятную просьбу. Она очень долго и тщательно пережевывала ароматное тесто, капустную начинку, медленно глотала, но как ни крепилась, буквально в следующее мгновение ей пришлось выхватить из тумбочки пакет – коричневой такой, из плотной бумаги, какие еще раздают в самолетах пассажирам на случай укачивания – у нее их целый ящик... Едва успела.

Олег тяжело вздохнул, как-то сразу ссутулился, будто постарел даже, потом перевел погрузневший взгляд куда-то за окно.

– Эх, Маня, Манюня, сколько ж можно, – устало пробормотал он, наконец. – Ну возьми ты себя в руки... Думаешь, мне легко? Понимаешь ли, все... буквально все идет у человека из головы. Как он решит, так и будет! Это закон существования. Ну что ты, целую свою жизнь собираешься провести в больнице? Да у тебя от уколов уже все вены слиплись... А дальше что? Крышка? Ты думаешь, моя сестренка, там, на небесах радуется, глядя вниз на тебя? – он уже почти кричал, – Да она в ужасе от всего этого!

В палату заглянула дежурная медсестра. Опытным взглядом оценив ситуацию, она подошла к кровати, вынула из Машиной руки скомканный пакет и пробормотала:

– Подошла бы ко мне, я бы тебе церукал кольнула... нельзя так родственников расстраивать.

– Что это, церукал? – машинально спросил Олег.

– Противорвотное средство... Понимаете, вот ее лечат, лечат, психику ее... совсем заlechили уже... А мне кажется, она у вас вполне вменяемая, ей просто нужен какой-нибудь стимул. Новый жизненный стимул, здесь-то она его точно не найдет.

Олег кивнул, соглашаясь. Он сам столько раз об этом думал.

– Скажи, малыш, может тебе правда чего-нибудь хочется? – умоляюще заглянул он в глаза племяннице. – Ну, пожалуйста, подумай хорошенько!

Маша, у которой слезы уже стояли в горле, заскользила взглядом по журналам, разбросанным по одеялу. На одном из них красовалась реклама какого-то туристического агентства: лазурное море, синее небо, белый песок, зеленые пальмы и красotka в цветастом купальнике. Поперек неба тянулась надпись: «Солнце, море, бабабы и жена французского посла...» И вдруг ей показалось, что если она, в самом деле, окажется там, на этом берегу, все станет по-другому...

– Солнце, море, – пролепетала Маруся едва слышно.

– Море? Ты хочешь на юг? – взволнованно воскликнул ее дядька, – Это уже кое-что! Это я могу понять... Собственно, во все времена сплин лечили морскими путешествиями! Лучшее лекарство... Но только как же это осуществить в нашем случае? – он с надеждой воззрился на медсестру, – Как быть с приемами пищи?

– Господи, да наймете там кого-нибудь, кто будет ей все то же самое колоть, – пожала та плечами. – Какая разница, где делать питательную клизму, извините уж за прямоту... Здесь, в процедурной, или в номере с видом на море?

Лечащий врач немного поупирался, но все же вынужден был признать, что лечение зашло в тупик, и возможно, пациентке действительно требуется встряска, хотя он, естественно, не может взять на себя ответственность рекомендовать поездку за границу. Но Олег уже для себя все решил. Он предполагал, что им с Валечкой придется влезть в долги, потому как отправлять племянников можно было, конечно, только в очень хороший отель с лучшим обслуживанием, где по первому требованию прибежит врач, где существуют все условия для людей с ограниченными возможностями и так далее, и тому подобное. А посему был приятно удивлен, когда выяснилось, что их содержание на курорте обойдется даже дешевле, чем их же

содержание в московских клиниках, особенно если ехать надолго и не в самый сезон. Причем, чем дольше они там пробудут, тем на круг выйдет дешевле. И даже еще дешевле, если внести деньги вперед. Поэтому сразу было оплачено целых три месяца. Экономить, так экономить!

Вот так и получилось, что Маруся со своим братом Арсением оказались этой весной на маленьком цветущем греческом островеке вблизи Крита. Дядя сам привез их сюда – дорога оказалась довольно непростой, сначала самолетом до Ираклиона, где им пришлось даже переночевать в портовой гостинице: рейсовый паром в это время года ходит на остров не каждый день. Можно было, конечно, нанять частный катер, но Олег не рискнул. Весна, нередко штормит, а с ним мальчик в инвалидной коляске и девушка, больше всего похожая на привидение.

На море было, мягко выражаясь, свежо. Они отчалили в восемь, когда солнце еще не успело прогреть воздух, и пришлось надеть на себя практически все теплые вещи, отысканные в чемоданах, но с палубы никто из них не ушел – хотелось насладиться морем: вдыхать этот холодный соленый воздух и ощущать кожей ледяные брызги, которые порой долетали до верхней палубы. Море нельзя было назвать спокойным. Тем приятней оказалось сойти на теплый берег, где к полудню разогрелось градусов уже до двадцати пяти. Городок прилепился к горе всеми своими домами – белеными, с черепичными крышами, его с легкостью можно было бы назвать деревней – всего-то сотня-другая домов, если бы не здание ратуши и довольно большой храм ближе к вершине с голубым круглым куполом. Кроме того, в городе имелось целых два музея, о чем путешественники узнали из указателя уже на причале. Не сразу отыскивали такси – здесь практически некуда ездить, на острове всего одна асфальтированная дорога, которая связывает городок с курортом, основным источником благосостояния островитян, до остальных поселений добираются по проселку.

Отель всем понравился, да, собственно, по-другому и быть не могло – такая красотища; местный доктор оказался вполне вменяемым, курортологическое отделение, которым он заведовал, большим, с современным оборудованием, здесь практиковали даже грязелечение, причем компоненты доставлялись не откуда-нибудь, а с Мертвого моря, в пять минут отыскалась и медсестра, которая будет делать необходимые процедуры. Управляющий отелем лично пообещал, что будет следить за нашим благополучием и в случае чего немедленно свяжется с родственниками. Покончив с делом, дядька два полных дня провалялся на пляже и с чувством выполненного долга, но, понятно, не без чувства сожаления, отправился в обратный путь. Так что сегодня уже неделя, как они тут.

Маруся замолчала и снова взглянула на свою собеседницу; все это время та, полулежа в шезлонге, слушала ее с какой-то странной отрешенной улыбкой, уставясь вдаль, чуть покачивая головой.

– Жули. Меня зовут Жули, – наконец с шумом выдохнула она и, по-прежнему глядя куда-то за горизонт, не поворачиваясь, протянула над столом руку, унизанную позванивающими при каждом движении серебряными браслетами.

– Очень приятно, Маруся, – неловко потрясла поданную руку Маша, отчего браслеты громко звякнули. – Ничего, что я на вас все это вывалила? Вы ведь, собственно, меня ни о чем не спрашивали...

– Ничего, – отозвалась та. – Сама напросилась. Это был своеобразный экскурс... – она помолчала, – ну, да неважно. Оказалось вполне даже познавательно.

– Схожу-ка я за братом, – сообщила Маша, вставая.

Картина не изменилась: Арсюша как прилепился к своему компьютеру немедленно после завтрака, так до сих пор от него и не оторвался. Ноутбук был маленький, удобный, как раз такой, чтобы поместиться на откидном столике его кресла; ко всем его прочим достоинствам, он был еще и ударопрочный – дядька расстарался. Кресло на колесах – тоже замечательное, последнее слово техники: эргономическое, регулируемое и по высоте, и по ширине, и под разными углами, с толстыми резиновыми шинами и мощным, но почти бесшумным моторчиком,

который подзаряжается от обычной розетки: такое кресло наверняка стоит как малолитражка, но дети-инвалиды получили их бесплатно – случается в жизни и такое.

Маша без лишних слов выдернула из стоящего на столе телефона модемный провод – иначе брата ни за что не выловить из Интернета, он в нем практически живет, если только не спит.

– Немедленно марш гулять, – приказала она голосом строгой старшей сестры. – К соленому бассейну. И прихвати с собой полотенце, я тебя там оболую.

– О, господи, теперь из себя Дуче строить будет! – недовольно проворчал ее братец. – Как там погода? Ветра нет? Я-то надеялся, тебя уже сдуло...

Он нажал на кнопку, которая помещалась у него на правом подлокотнике, и, не дожидаясь сестры, рванул к выходу.

– Поосторожней! – выкрикнула Маша ему вслед.

Шины скрипнули по терракотовой плитке, оставляя черные полосы, и девушка поторопилась затереть их ногой. Их поселили в уютном обсаженном кипарисами бунгало, из окон которого видно море – ночью они засыпают под шум прибоя, которого днем почему-то здесь почти не слышно. От маленькой открытой веранды – вернее, это был просто навес над каменной площадкой, где стояли два плетеных кресла и такой же плетеный стол – отходила довольно широкая мощеная тропка, такие же дорожки пересекали парк во всех направлениях: по ним прекрасно можно было гонять, что Арсений и делал время от времени, весьма сильно превышая ту скорость, которую можно было бы считать разумной. По крайней мере, для подобного экипажа.

Наконец Маша доплелась до бассейна и, задыхаясь, плюхнулась в шезлонг, где оставалось ее полотенце. Перед глазами поплыли темные круги: сил-то никаких. Арсений был уже здесь – выписывал восьмерки вокруг вазонов с цветами на противоположной стороне. Жюли, покачивая головой, молча подвинула к ней бутылку минеральной воды и стакан. Очевидно, за время ее отсутствия поблизости все-таки пробежал официант, который по логике вещей должен непрерывно выдавливать сок из апельсинов и предлагать его всем желающим. Но отдыхающих – нет или почти нет, почти нет и официантов.

– Здесь такое офигенное солнце, не видно ни шиша, – донеслось до них недовольное ворчание Арсения, который уже успел включить свой компьютер и теперь безуспешно пытался отрегулировать угол наклона экрана.

– А просто позагорать нельзя? – рассердилась Маруся; они говорили по-русски. – Неужели при этом необходимо портить глаза! Сам подумай, как твой жалкий монитор может конкурировать со светилом!

– Он не жалкий! Он жидкокристаллический! С активной матрицей!

– Чем он недоволен? – не поняв, поинтересовалась Жюли.

Маша поведала ей о граничащей с одержимостью страсти брата.

– Э, да он не один такой, теперь они все как приставки к этим штукам. Буквально уже с трех лет. Ничем хорошим это не закончится, абсолютно уверена. А как он успевает в школе? Язык какой-нибудь учит?

Маруся лишь хмыкнула.

– Пока я размазывалась в больнице по стенке, мой брат, вундеркинд, в перерывах между операциями выучил целых два иностранных языка. Меньше, чем за год. Мне такое даже не снилось. Хотя я до сих пор и числюсь студенткой языкового института, – Маша вздохнула, – пребывающей в бессрочном академе... Английский-то он начал учить как раз лет с трех-четырех, когда стал играть в компьютерные игры, а тогда многие были непереуверенные. Хочешь играть, разбирайся! Нет, Арсюша без конца участвует во всяческих олимпиадах, интеллектуальных конкурсах, и, что самое интересное, то и дело в них побеждает. У него в комнате вся стена

завешана грамотами. Победитель того, лауреат сего... Он у нас о-очень умный. Только совершенно невоспитанный.

– Что ты там про меня бормочешь? – раздался возмущенный возглас с противоположной стороны бассейна.

– Как видите, он прекрасно нас понимает, а, кроме того, у него превосходный слух, – прокомментировала Маруся и добавила, обращаясь к брату, – Я тут рассказываю, что ты выучил уже три языка.

– Пять... – донеслось с той стороны.

– Что, пять?

– Всего я знаю уже пять языков, да будет тебе известно! Ну, не все, конечно, одинаково хорошо... Греческий только начал...

Маша перевела.

– Господи, и за что же такая несправедливость? – вдруг горячо зашептала Жюли, – Умный, красивый мальчик обречен всю свою жизнь просидеть в инвалидной коляске... А другие, глупые, испорченные, жестокие будут жить себе поживать, есть и пить, коптить небо, совершать мерзкие поступки... Почему так?

Маруся со вздохом посмотрела на брата – да, он у нее действительно хорош. Удлиненное лицо с живыми умными глазами притягивает взгляд какой-то своей едва уловимой странненькой, светлые в белизну волосы, которые он из противоречия отказывается стричь – подростки вокруг чуть не все бритоголовые – доросли уже до лопаток, одним словом настоящий «маленький принц». Вот только прикованный к железной тележке... Подумать только, в первые месяцы после аварии, Маша молила Бога, чтобы он поскорей умер. Только бы не мучился так сильно... Сейчас-то уже все хорошо. Ну, почти...

– Есть хочу зверски, – громко возвестил братец, вкатываясь в номер. – Обед уже пятнадцать минут как начался, пойдешь со мной?

– Только переоденусь, – ответила Маруся, которая, вернувшись с берега, прилегла на кровать прямо поверх покрывала. У нее все время ощущение, что на ней воду возят, так она устает, хотя ничего и не делает, только немножко ходит. Солнце, конечно, очень утомляет. И чистый, насыщенный морским кислородом воздух поедает глюкозу в ее крови слишком быстро.

– Сегодня приехали французы и еще несколько немцев, народу становится все больше, – сообщил Арсений.

– Ты откуда знаешь?

– Да так, заехал в главное здание на рецепцию и поинтересовался. Они такие приветливые, все мне рассказывают, да и как откажешь несчастному инвалиду...

– А зачем тебе это нужно?

– Я постоянно собираю всю доступную информацию – неважно, в Интернете или из разговоров – никогда заранее не знаешь, что пригодится.

– Не могу представить, как информация о новоприезжих может кому-то пригодиться.

– Это меня нисколько не удивляет, – кивнул братец, – давно заметил, что у тебя слабовато развито воображение, – он с места врубил задний ход, едва не врезавшись в дверной косяк, и начал руками выворачивать колеса.

– Я тебя сто раз просила, ездь здесь помедленней, весь пол черный! – взвилась Маша.

На это ответа не последовало. Надев льняное платье, Маруся пригладила щеткой волосы. Вообще она старается пореже смотреться в зеркало, чтоб не расстраиваться лишней раз: к чему разглядывать эти ввалившиеся щеки, заострившийся нос, и темные круги под глазами – те кажутся чрезмерными для такого маленького, с кулачок, личика. Из нее будто ушел весь цвет: волосы стали какого-то непонятного невзрачного оттенка и будто вдвое тоньше, кожа серая... Раньше-то Маруся себе даже нравилась. А сейчас... Сейчас ее безоговорочно приняли бы

на роль призрака в любой ужастик. Добротное такое вышло бы привидение, качественное, и на грим не пришлось бы тратиться... Впрочем, нет, немножко все-таки она подзагорела. Точно! И нос вон покраснел...

Приободренная, Маруся закрыла дверь и поспешила по тропке вслед за братом, которого, понятно, уже и след простыл. Дорога к ресторану петляла по парку меж высоких кедров и цветущего кустарника, там, в ветвях, беззаботно щебетали птицы и бодро жужжали насекомые. Не встретив ни души, Маша подошла, наконец, к мостику через поток, в котором плавали утки – местные обитатели, они прекрасно изучили распорядок дня и крутились здесь в предвкушении обеденных разносолов. Арсений наблюдал за ними сверху, он всегда поджидал ее здесь: впереди на дорожке было несколько ступенек настолько неудобных, что он не мог их преодолеть даже с помощью встроенного в кресло подъемника. Сам он стеснялся кого-либо просить, поэтому-то ему и нужна была сестра – озвучить просьбу. Им требовался мужчина, желательно, в расцвете сил. Пока же мимо них неспешно, под ручку, проходили только божьи одуванчики – на всех курортах весна с осенью принадлежит пенсионерам: не так жарко и не так дорого. Они приветливо кивали брату с сестрой и говорили неизменное для этого времени дня «Gutten Taag» – местные пенсионеры отчего-то почти сплошь немцы. С некоторыми из них, в основном, мужчинами, Арсений даже перебрасывался парой-тройкой фраз: несмотря на свой отвратительный подростковый характер, он на удивление быстро сводит знакомства с самыми разными людьми. Марусе оставалось лишь гадать, о чем разговаривает этот странный подросток с немецкими стариками – второй язык у нее французский, и шел-то он всего полсеместра, спрашивать же у брата бесполезно, с ней он не так любезен как с пенсионерами.

Наконец, из-за поворота показалась вполне дееспособная человеческая особь: мужчина где-нибудь около тридцати, подтянутый, аккуратно причесанный, сильно смахивающий на картинку из каталога готовой одежды. Одет он был в серые отутюженные брюки со стрелкой и легкий теннисный пуловер. Маруся решила, что перед ними очередной немец – все они отутюжены и отглажены до последней крайности, да и внешность у него подходящая, вполне арийская: светлоглазый рыжеватый блондин, с белой веснушчатой кожей – из тех, что плохо загорают. Впрочем, подошедший заговорил по-английски совершенно без акцента. Английский, правда, был не островной, материковый – американский его вариант.

Ариец с готовностью держал кресло все то время, пока Арсений работал своим пневматическим домкратом, всего-то и нужно было сзади подпереть его, чтобы оно не скатилось с узкой ступеньки назад.

– Вообще-то, вам совершенно не обязательно карабкаться по этой лестнице, – сообщил приветливый ариец, когда препятствие было ими осилено, – есть и другой путь. Правда, он довольно долгий, придется объезжать чуть не всю территорию отеля, там, под горой – он очертил в воздухе рукой большую дугу, – но тогда попадаешь к этому зданию сверху, вон оттуда. Мы только утром приехали и я, пока жена жарилась на пляже, обследовал всю местность. По той дорожке развозят чемоданы.

– Для хромой кобылы семьдесят миль – не круг, – бодро отозвался Арсений, обрадованный новостью – еще бы, теперь он, наконец, может освободиться от раздражающей опеки сестры.

Втроем они преодолели открытую веранду – столы здесь пока не накрывают из-за весенних ветров, скатерти сдувает – и вошли в зал ресторана. В уши ворвался оживленный гомон голосов, обильно пересыпанный отрывистым звяканьем металла о фарфор; воздух вокруг, казалось, сгустился от запахов еды. Машу немедленно замутило. Она попросила первого встретившегося официанта принести хлеба и, получив требуемое, поторопилась покинуть помещение. Это пока не для нее.

Утки ловили куски булки мастерски – на лету, как собаки. То, что падало в воду, немедленно подхватывали какие-то крупные рыбы, так что зевать, действительно, нельзя было.

– Мисс Писарева? – раздался позади голос.

Маша испуганно обернулась, немедленно укорив себя за слабонервность: ну не в лесу же она, чтобы так всем телом вздрагивать при звуках человеческого голоса. Перед ней стояла смуглая девушка-гречанка в синей униформе, какую здесь носят работники отеля.

– Вам просили передать это приглашение, – произнесла та на корявом английском, с вежливой улыбкой протягивая какой-то конверт.

– Кто просил? – растерялась Маруся.

– Хозяйка, – лаконично ответила девушка, по-прежнему сияя белозубой улыбкой. Лоб у нее был низкий, и черные густые волосы росли чуть не от самых бровей.

– Какая еще хозяйка, – снова не разобралась Маша. – Хозяйка чего?

– Ну, всего этого, – гречанка неопределенно повела плечами и осталась стоять, явно чего-то ожидая.

Маша поторопилась разорвать конверт. Внутри оказался листок плотной шелковистой бумаги, на котором от руки было написано:

«Милая Маруся, жду тебя сегодня в шесть на вилле «Анис». Сообщи о своем согласии. Жули.»

Ну, надо же, до чего странно! Единственная знакомая, первая встречная на этом острове вдруг оказывается хозяйкой всего и ждет ее в гости. А Маша-то как раз огорчалась, что уже несколько дней той не видно – не с кем поболтать, скучновато все-таки, хоть и в Эдеме...

– А где эта вилла «Анис»? Как до нее добраться?

Гречанка уставилась на нее с недоумением, потом указала куда-то на склон горы.

– Да вот же она! Дом за теми большими магнолиями, видите? Чуть левее старых кипарисов... Отсюда, конечно, только крыша заметна.

Ну, конечно, видит. И раньше видела, принимала его за часть отеля, который и обойти-то весь у нее не хватает сил.

– Так что ответить мадам Дюпре?

– Передайте... э-э-э... что я приду... с удовольствием, – промямлила Маруся.

Присев на скамейку, она следила за фигуркой в синем – та быстро удалялась вверх по дорожке, явно направляясь на виллу «Анис»; вот посыльная скрылась за деревьями, снова появилась, выше и левее – дорога петляла, забираясь в гору – после чего пропала из виду. Маруся перевела тогда взгляд на воду, где деловито сновали упитанные рыбы. Вслушиваясь в свои ощущения, пыталась разобраться, отчего так разволновалась. Здесь ей хорошо. Действительно хорошо и спокойно, давно так не было, она невыразимо благодарна за это своему дядьке. Депрессия почти отпустила, от людей Маруся практически не шарахается; конечно, она по-прежнему пребывает за плотной невидимой пеленой, что надежно отгораживает ее ото всех окружающих, но отгораживает уже как-то по-другому. Не наглухо. Чудесные условия, тишина, строгий распорядок дня с обязательными процедурами, тонизирующими ваннами и целительными грязями – она будто в палате для выздоравливающих, и вдруг ее просят покинуть уютный надежный мирок, чтобы отправиться... в гости! Вот те раз! Не куда-нибудь в соседнее бунгало скоротать вечер с немецкими стариками, а на самую настоящую средиземноморскую виллу! Там наверняка будут гости, с ними нужно будет общаться... какая-то совсем иная жизнь...

Маруся подхватила, и поспешила к своей комфортабельной хижине, переодеваться.

Час ушел на то чтобы решить, что же все-таки надеть. Наконец она остановила выбор на цветастой юбке в сборку – та ее немного полнит – и довольно бесформенном свитере с длинными рукавами – он скроет тощие руки. Не слишком стильно, но функционально. Подкрасила глаза, тронула помадой потресканные губы, но передумала, стерла – так только хуже. Поколебавшись, чуть припудрилась румянами: в гроб, бывает, краше кладут, да что поделаешь. Арсения она не дождалась, после обеда тот частенько играет в шахматы с кем-нибудь из отдыхающих – наверняка сейчас обштыпывает несчастного арийца – и в пять пополудни уже прикрыла

за собой дверь: дорога, как-никак, в гору, неизвестно сколько раз придется по пути отдыхать. По правде говоря, невозможно было уже сидеть на месте!

Но, конечно, и получаса не прошло, как она добралась до черной решетчатой калитки в каменной стене, окружающей виллу. Рядом высились внушительные чугунные ворота с добротной медной табличкой, на которой выгравировано название, засыпанная гравием подъездная дорога, изогнувшись серой змеей, уходит куда-то в лес. Следующие полчаса Маруся провела, опершись о стену, наблюдая окрестности – не хотелось являться раньше времени, а окрестности таковы, что смотреть на них вполне можно и часами.

Наконец посчитав, что пора, она надавила на медную пуговку звонка. В кронах деревьев по-прежнему мягко шелестел ветер, перебирая длинными кедровыми иголками, и никакой звук не нарушил тишины. Прошла минута, другая, Маша совсем уже собралась позвонить еще раз, когда послышались шаги, и из-за аккуратно стриженных кустов метрах в тридцати от ворот вынырнул невысокий смуглый человек в линялом комбинезоне с секатором в руке.

– Открыто, открыто, – издали крикнул он, но все же подошел к калитке, чтобы распахнуть ее перед гостьей. – У нас на день не запирают, – пояснил он. – Тут спокойно. Идите прямо, не сворачивая... да увидите там. Она на веранде.

Дом вблизи показался громадным. Сложенный из светлого камня, с каменными колоннадами и узкими стрельчатыми окошками, он, казалось, выплыл из восточной сказки. Особняк мог стоять здесь и сотню лет, но, скорее всего, выстроен был примерно тогда же когда и отель; маленькие островки подобные Ялосу раньше были практически необитаемы – вплоть до туристического бума, который случился в семидесятые. Отель же был совсем новым, судя по архитектуре и продуманной планировке, не старше пятнадцати лет: раньше сплошь строили многоэтажные надолбы из бетона и стекла, и только потом спохватились, увидели, насколько те уродует пейзаж, но не взрывать же их все теперь, этих уродов, деньги закопаны, остается лишь ждать, пока они сами скончаются от старости. Так вот, здесь все было не так – курорт строили по уму. Вилла же вообще больше походила на дворец.

Пройдя по каменным плитам, устилавшим землю вокруг дома, Маруся оказалась у широкой лестницы, ведущей на обширную открытую веранду, скорей даже, балкон – скала здесь резко обрывалась вниз к морю, и балкон нависал над пустотой.

Хозяйка виллы, сидевшая в кресле у самой балюстрады, приветственно помахала ей рукой. Добравшись доверху, Маша судорожно вцепилась в перила: мало того, что она задохнулась от десятка крутых ступеней, перед ней внезапно распахнулась сияющая голубая бездна, от чего немедленно закружилась голова.

– Производит впечатление, а? – хмыкнула Жули, приближаясь к гостье; ветер трепал ее рыжие волосы и надувал свободное, цвета светлой охры шелковое платье. – Я хотела, чтобы ты увидела мою собственную пропасть. И еще кое-что тебе покажу, а потом пойдем во внутренний дворик, там тихо.

Она подхватила Марусю под руку и потащила в дальний конец веранды. С этой стороны открывался вид на склон горы. Деревьев здесь не росло, зато земля была буквально устлана пестрым ковром цветов: диких орхидей, пионов и цикламенов. У Маши снова дух перехватило: теперь не от высоты – от красоты. Такого, она, пожалуй, еще не видела.

– Роскошь, правда? – Жюли явно осталась довольна реакцией гостьи. – Представляешь, у меня тут одних только орхидей больше двадцати видов! А вон тот ползучий кустарник, усыпанный розовыми цветочками, это эбенус, встречается только на Крите и ближайших островах, больше нигде. Личный заповедник! – она легко вздохнула, – Но, уже буквально через месяц ничего этого не увидишь... А летом тут вообще останется только каменистая земля да клочки жухлой травы. Сейчас-то в это даже не верится. Без полива ни черта тут не растет, слишком жарко, а дождей практически не бывает. Ну, пойдем.

Маша поспешила за хозяйкой. Тяжелые серебряные украшения Жули позванивали в такт ее шагам, под длинным расшитым охряным шелком платьем мелькали черные шелковые же шальвары – одета та была подстать восточному дворцу, в котором жила. Пройдя по крытому переходу, они оказались во внутреннем дворике. Здесь, действительно, было тихо. Не слышно стало ни ветра, ни дыхания моря – эти звуки как отрезало, и из образовавшейся тишины выплыло, усиливаясь, журчание воды, пенно клокочущей в резном фонтане посередине. Колонны поддерживали неширокую галерею, по периметру опоясывающую стены на уровне второго этажа, – снизу туда вела ажурная каменная лестница. В полу, выложенном массивными плитами, оставлены большие прогалы с землей – здесь растут невысокие, метра в два всего, апельсиновые и лимонные деревья, сплошь усыпанные золотистыми плодами.

– До чего хорошо... – выдохнула пораженная Маруся, – Как декорация какая-то к волшебной сказке. Даже не верится, что это все по-настоящему... А есть-то, интересно, их можно? – кивнула она в сторону миниатюрных лимончиков, обсыпавших ближайшее дерево, уж больно у тех был кукольный вид.

– Почему же нет? Апельсины, например, очень вкусные, даже слаще обыкновенных, это просто карликовый сорт. Но как ты справедливо подметила, они весьма декоративны. И устойчивы к местной жаре.

В подтверждение своих слов Жули, повибрав, сорвала апельсин и протянула Маше.

– На вот, хочешь, попробуй сама, – предложила она и, очевидно, только сейчас заметив Марусины косметические ухищрения, насмешливо протянула: – Надо же, с накрашенными глазами ты натягиваешь на целые шестнадцать!

Маша, смутившись, машинально начала очищать апельсин, но вовремя опомнилась: – Ой, забыла, я же не могу...

– Нет, так нет, потом попробуешь. Пойдем, сядем.

Хозяйка провела свою гостью к большому круглому столу, вокруг которого стояло несколько кованых стульев с льняными подушками на сиденьях. От фонтана приятно потянуло влажной прохладой. Жули хлопнула пару раз ладонью по бронзовому звонку, вделанному в каменную столешницу.

– Сейчас нам принесут напитки, и мы с тобой поговорим. Если только кто-нибудь услышал мой призыв. Дом такой большой, что приходится иногда связываться со своими мирмидонцами по мобильному телефону.

– С кем, с кем? – переспросила Маруся.

– Да с прислугой. Это из мифологии... из греческой... Я не люблю, чтобы люди без конца отирались в доме, поэтому постоянно здесь живут всего несколько человек, остальных – горничных, официантов – я приглашаю снизу. Так удобнее... А вот и моя Мина, с ней я не расстаюсь, она со мной сто лет.

К ним уже спешила маленькая женщина, одетая в глухое темно-синее платье с каймой из алых маков по подолу, толкая перед собой сервировочный столик. Мина была не слишком молода и, очевидно, не очень-то красива даже в молодости, но при этом все в ней было так аккуратно пригнано одно к одному – черты лица, фигура, прическа и одежда – что производило впечатление приятной цельности. Как в пуговице, в которой, конечно, есть изъяз – дырочки для ниток, но если их убрать, это уже будет не пуговица. Мина совершенно не походила на домашнюю прислугу, скорее, на деловитую, опытную секретаршу со стажем.

Улыбкой поприветствовав гостью, она поставила перед ними серебряный поднос, на котором в запотевших кувшинах плескались золотистые соки, таял в ведерке лед и заманчиво мерцал графин, наполненный чем-то рубиновым. Щипцами положила в стаканы льда, плеснула из графинчика и долила из кувшина.

– Сок я только час назад выдавила из наших собственных цитрусов, – сообщила она, – И поставила на лед охлаждаться к вашему приходу. В этом кувшине – апельсиновый, в том – лимонный... что вам и без меня, конечно, ясно.

Она поставила перед ними коктейли и, пожелав приятного вечера, бесшумно удалилась.

– Попробуй, не пожалеешь, очень вкусно, – подбодрила хозяйка свою гостью, видя, что та колеблется.

– Это со спиртным? – краснея, выдавила из себя, наконец, Маруся.

– Да, конечно. С отличным вермутом, который мне присылают из одного горного монастыря. А что такое?

– Мне, наверное, нельзя...

– Позволь поинтересоваться почему? Ты разве принимаешь какие-нибудь сильные психотропные средства или снотворное?

– Нет...

– Ну, тогда не придумывай, пожалуйста! Спиртное в умеренных дозах еще никому не мешало. Сейчас об этом только и твердят. Это раньше считалось вредным! А сейчас, наоборот, считается самым полезным – время-то не стоит на месте. Особенно, красное сухое вино. Почему-то не белое, не знаю уж, по какой причине оно им не потрафило... Думаю, одно и то же, какие-то личные пристрастия... А красное вино некоторые доктора вводят своим больным во время операции на сердце, настолько благотворно оно действует, – она покачала головой, – Положим, так далеко я не стала бы заходить... Но то, что этот вермут, настоящий на восьмидесяти семи горных травах, весьма полезен для здоровья, абсолютно бесспорно. Веками проверено. Кстати, отличный аперитив.

Маруся устыдилась собственной трусости и отхлебнула сразу большой глоток. Будь, что будет. Гулять, так гулять! Стошнит, так стошнит...

Напиток был холодный, очень кислый, пряный, весьма необычный на вкус. Она медленно глотала его и прислушивалась к своим ощущениям: невероятно, но рука, обычно схватывавшая ее желудок, как только туда попадало что-либо отличное от чистой воды, будто бы даже чуть ослабила хватку.

– Видишь, я знаю, что делаю, – негромко проговорила Жули. – Будешь меня слушаться, в два счета тебя вылечу. К утру! Хочешь? Завтра проснешься с мечтой о завтраке!

Маруся уставилась на нее чуть не с открытым ртом – странный вопрос! Девять месяцев ее промурыжили в клинике, после чего практически отказались от бесперспективной пациентки, а тут чудесное исцеление за одну ночь? С трудом верится...

– Я говорю совершенно серьезно, – продолжала Жюли. – Видишь ли, со мной в юности произошла точно такая же штука... – она взяла в руки черно-белую фотографию в серебряной рамке, которая до того лежала на столе изображением вниз, и на мгновение взгляделась в нее. – Родилась я давным-давно, в Англии – в Шропшире, если тебе о чем-то говорит это название, у родителей с неплохим достатком, имевших свой дом, хорошую машину и все то, что полагалось иметь представителям среднего класса по тем временам... Семья была крепкая и любящая, это все здесь видно...

Жули положила обрамленный в серебро прямоугольник перед своей гостьей. На пожелтевшей фотографии запечатлена была улыбающаяся молодая пара с двумя детьми – мальчиком лет двенадцати и девочкой постарше. Они стояли перед автомобилем на фоне аккуратного дома с ухоженным палисадником. Машина была старая, вернее, так сейчас казалось, сама-то она могла быть совершенно новой в тот момент.

– Видишь, наш дом... это я, моя мама, папа... и брат. Год спустя они разбились на горной дороге, путешествуя на этой вот самой машине по югу Франции. Скорей всего, она до сих пор там так и ржавеет в одной из расщелин... Меня с ними не было – я гостила у бабушки в Корнуэле, тем летом она неважно себя чувствовала, и мы не хотели оставлять ее одну. Роди-

тели погибли сразу, по крайней мере, так нам сказали, Дик умирал больше месяца. Помню, я дни напролет молилась, чтобы Он, – она мотнула подбородком куда-то вверх, – прибрал его к себе, не мучил...

Маруся охнув, зажала рот рукой – она ни одной живой душе не рассказывала о своих страшных молитвах за упокой. Никто, никто об этом не знал!

Жюли мрачно усмехнулась.

– Выходит, даже в этом мы с тобой похожи... Но тебе посчастливилось. Он не услышал... Не взял брата. Ты даже не представляешь, как страшно остаться совсем одной... Плохая семья калечит ребенка, но, оказывается, любящая способна его разрушить и даже убить – в случае если она, эта семья, прекращает свое существование... Также как и ты, я заболела от чувства вины перед ними. От того, что я – жива, а их уже нет... Можешь не мотать головой, я знаю, что говорю! Поверь, именно в этом все дело... Мне тогда повезло – старый друг отца был известным доктором – он-то мне вовремя все объяснил... Повторяю, ты болеешь именно от чувства своей вины: родители во цвете лет погибли, брат превратился в инвалида, а ты – неприлично здорова. Твое подсознание находит приемлемый выход: ты тоже становишься больной. Даже очень больной... Ты почти уже с ними уравнилась! Сама ты этого, конечно, не осознаешь – упрятано слишком глубоко, но тем хуже. Надо все вытащить на свет божий, и тогда мерзкий недуг развеется, как дым! Твоей вины никакой перед ними нет! Это судьба, понимаешь? С этим ничего не поделаешь... А свою болезнь ты придумала сама! – Жюли в запальчивости довольно сильно рубанула ребром изящной руки по каменной столешнице, – Но об этом все, хватит. Веришь ли, я совсем не хотела тебя расстраивать, но иначе ты бы не поняла, – она немного помолчала, – Лучше расскажу, что я почувствовала, услышав твою историю... Так вот, это было странно, очень странно, – она пару раз кивнула в подтверждение своих слов, – Ведь ты не из болтливых, сразу по тебе видно... то рот открыть боялась... да что там, посчитай-ка, сколько слов ты произнесла за последний час. Десять, от силы, двадцать... И что же? Вдруг ты выливаешь водопад слов – целую Ниагару – на совершенно незнакомого человека! Что это, спрашиваю я, случайность? Трудно представить, чтобы настолько все совпало: наши такие одинаковые судьбы, твой приезд на этот затерянный островок, встречу со мной, неожиданная исповедь... Конечно, вокруг крутится мальчик в инвалидном кресле... но это так легко поделать! Не-е-ет, я уже достаточно прожила на белом свете – разного навидалась, чтобы верить в подобные совпадения. И я не поверила!

Маруся уставилась на нее в полном ошеломлении.

– Что же я тогда сделала, как ты думаешь? – лукаво подмигнула ей Жюли, – Сразу должна признаться, твоя история разволновала меня не на шутку, как говорят, разбередила старую рану... Я позвонила своему адвокату и попросила узнать для меня все обстоятельства. Он связался с соответствующим агентством в Москве, и буквально на следующий день к вечеру сообщил, что все услышанное мною – чистейшая правда! Удивительно, не так ли?

– Нет, ничего удивительного в этом нет, – не выдержала Маруся, – я всегда говорю правду, – Да и зачем мне было бы вас обманывать? Какой смысл?

– До сих пор не понимаешь? Юная, такая наивная еще душа... Видишь ли, я очень богата. Очень.

– Да, это я успела заметить, – неуверенно проговорила Маша, – Бросается в глаза. Ну и что?

– А то, что за денежными людьми постоянно идет охота. Скрытая, тайная, но от этого не менее опасная. С виду богачи отлично защищены, у них могут быть охранники, адвокаты – что угодно, да только это мало что значит. Да, правда, ты сидишь на вершине мира, но при этом должен быть всегда начеку. Расслабился и – бах! – ты уже в силках. Это, знаешь ли, со временем изматывает.

– Не совсем понимаю...

– Давным-давно, когда я была бедная и красивая, на мне женился богатый человек, который дал мне все. К несчастью он умер, я стала богатая и красивая, и не сразу поняла, что открылся сезон охоты на глупую курицу... В том смысле что за тобой начинают бегать мужчины, приятные во всех отношениях. Они без конца рассказывают, насколько ты хороша, умна и ни на кого не похожа, как невыразимо сильна их любовь к тебе... В это так легко верится! Ты ведь, и в самом деле, хороша, умна и ни на кого не похожа, как можно тебя не любить... Совершаешь очередную глупость, – она удрученно вздохнула, – Короче, Микки, второй мой муж, был на четырнадцать лет младше меня. Он казался влюбленным... казался красивым – такой еще юношеской, неогрубелой красотой... казался умницей – все-таки студент одного из престижных американских университетов... Впрочем, это не важно, кем он собирался стать до встречи со мной, он быстро перестал учиться. Сначала все было очень даже приятно – путешествия с молодым мужем, свежесть отношений, но спустя год он начал буквально сосать из меня деньги, все больше и больше... Обычное дело, казино, которое он стал посещать вместо своего химфака с завидным постоянством, без прогулов. Но я предупреждала Микки еще до свадьбы – не полная ведь идиотка! – если почувствую, что ему нужна не я, а мой банковский счет, моментально разведусь. Сначала, конечно, давала деньги, но суммы все росли, и я стала отказывать. Знаешь, это очень неприятно, когда любимый мужчина ползает перед тобой на коленях с мольбой о финансовой помощи. Быстро убивает любую самую «чистую любовь»... Как-то вечером он явился весьма нетрезвый, что, в общем-то, было не в его характере, и стал буквально требовать у меня денег, грозить, иначе, мол, его убьют. Я посмеялась, мы, слава богу, в Калифорнии, а не в Мексиканском сериале, пусть обратится в полицию, если ему угрожают. Мы разругались вдрызг, он хлопнул дверью... Наверное, я перегнула палку, надо было заплатить, а уж после прогнать... не знаю... Короче, Микки исчез, и я его не искала, чувствовала себя оскорбленной. А спустя полгода получаю от Американского правительства извещение о его героической гибели. Меня как ледяной водой из ведра окатили! Поплакала... Он сгинул в одной из «бурь» – в пустыне ли, в прерии – которые они то и дело учиняют по всему миру... Записался добровольцем в каком-то из передвижных пунктов по набору солдат – автобусы такие специальные колесят по всей стране – и сгинул... Это показалось ему лучшим выходом. – Жули сняла один из браслетов и повертела им в воздухе, на короткой цепочке заплясал брелок – небольшой стальной овал с гравировкой «рядовой Майкл Хоффман». – Хоронить-то было почти нечего, в гробу лежало всего несколько обугленных костей – то, что удалось выгребсти из воронки... Дурачок... И чего ему не хватало? – вздохнув, горестно наморщила она лоб. – Не знаю... Возможно, я тоже виновата, он ведь был еще совсем молоденький... вдруг на него с неба свалилось... больше ничего не нужно делать, все и так уже есть... не справился. После этого дала зарок замуж не выходить, вполне хватит романов – удобно, и никто никому ничего не должен... – Жули, невесело улыбнувшись, вздохнула, – но от этого, знаешь ли, тоже устаешь... от одиночества. Ты ничего не должен, но и тебе не должны. Всегда хочется чего-то большего... Прочного... И вот как-то загораю я – здесь, на острове, в своей персональной крошечной лагуне, а надо сказать, добраться до нее можно лишь вплавь, кругом скалы, и плыть далеко, да и не видно ее ниоткуда с берега – о ней знать надо, поэтому там никого и не бывает... Лежу разморенная на песке – а там чудесный песок, белоснежный и мелкий-мелкий... лежу, по своему обыкновению, голышом – эдакой морской нимфой, когда понимаю, кто-то плывет. Шлеп-шлеп по воде, шлеп-шлеп... Головы не поднимаю, чтоб не заметили. А потом вдруг слышу какой-то вскрик, и человек вроде бы начинает тонуть – шлепки беспорядочные по воде, руками колотит, захлебывается... Ну я как была ню, так и сиганула за ним в воду. Еле выволокла его, тяжеленного, на песок, оглядела спасенного с ног до головы, а передо мной настоящий полубог – греческий либо какой-то еще, неважно, но глаз не оторвать! У него мышцы судорогой свело, так что он корчился еще пару минут на берегу, пока я массаж ему не сделала. Он мне был, естественно, так благодарен, так благодарен! – Жули неопределенно хмык-

нула. – Ну и все остальное получилось уже как-то само собой... Еще бы, страстный полубог и обнаженная нимфа! Море, скалы, песок, одни во всем мире... Встреча с ним была настолько неожиданна, настолько романтична, что я углядела в этом перст судьбы – и снова замуж! Вот так-то. Потом только я узнала, что Дональд профессиональный яхтсмен, а все они проходят специальный тренинг по выживанию в волнах, причем не в теплых летних средиземноморских, а в ледяной воде и в течение многих часов. Так что – а-ле-оп! – Жули шутовски развела руками – все это было не более чем театр! Но на такую наживку – тут она погрозила пальцем – я, пожалуй, уже больше не попадусь... Вопрос, как же тогда ко мне подъехать, на какой такой кобыле, чем купить – наверняка ведь существуют и другие слабые места... В моем случае это юношеская травма, о которой, при желании, совсем не сложно узнать. Конечно же, я размякну, конечно же, захочу помочь сиротам.

Маша покивала, соглашаясь, в словах Жули определенно был резон.

– Только вы не волнуйтесь, в данном случае вам совершенно ничего не грозит...

– Господи, до чего ты все-таки смешная, – Жули почти с умилением взглянула на девушку. – Я и не боюсь. Неприятно, когда тебя используют, когда из тебя выжимают, а так-то мне не жаль... Потом я же сказала, в случайности, если только они не состряпаны, не верю... Но тогда зачем понадобилась эта встреча? Мне ты, понятно, дать ничего не можешь, у меня и так все есть... Значит, Он хочет, – Жули, не поднимая глаз, снова кивнула куда-то в быстро темнеющее небо, – чтобы я дала тебе... Вот как получается.

– Да, конечно, большое спасибо, – в полном смущении залепетала Маша, – но принять у вас все равно ничего не смогу, у нас всего достаточно, дядя сдает сейчас нашу квартиру, и нам вполне хватает...

– Ты опять не поняла, – довольно резко оборвала ее Жули, – Я же тебе не деньги сую... Он знает, что я могу тебя исцелить! Потому и прислал ко мне, неужели не ясно?

– Ясно, – согласилась Маруся; в словах Жули определенно прослеживается логика, пусть и несколько странная.

– И вот именно поэтому, ты выпьешь сейчас еще один коктейль покрепче, а потом мы поужинаем. Что ты все время трясешь головой? Как миленькая все съешь у меня! Одна только просьба, не упрямься, не мешай. Расслабься и плыви...

Жули ловко смешала напитки, после чего снова позвонила. Тотчас возникла Мина, будто только и поджидавшая сигнала.

– Будь добра, принеси-ка нам шали, скоро стемнеет, и можешь приглашать Жака.

Похоже, здесь все было спланировано заранее. Акт первый. Действие второе. «На пиру».

Несколько официантов торжественно внесли горящие факелы. Укрепив их в специальных держателях вокруг фонтана – в колеблющемся свете бурливая вода заискрилась золотыми сполохами – они покинули место действия, чтобы несколько минут спустя прикатить объемистый, багрово пышущий древесным жаром гриль. За ним последовал высокий разделочный столик на колесиках, где разложено было уже нарезанное мясо, куски рыбы, кальмары, виселись горками кровати разных размеров. На другом столе прибыла разнообразная салатная зелень, на нижней полке разместились баночки с разноцветными приправами и посуда.

Маруся во все глаза следила за происходящим. Скоро появился мэтр – белый верх, темный низ, крахмальный фартук и колпак, серьезное лицо: человек пришел работать. Вежливо поклонившись сидящим, он придирчиво осмотрел нож, который лежал на столике, недовольно поджал губы, пробормотал что-то себе под нос, и принялся перебирать листья салата. Один из официантов, которые изваяниями остались стоять по другую сторону фонтана, вдруг, как ошпаренный, кинулся куда-то в сторону.

– Это не его нож, – шепнула Жюли. – Полагаю, кому-то за это порядочно влетит.

– А что такого, он тупой? – удивилась Маруся.

– Почему тупой, нет, конечно. Нож – чужой! Это же искусство. Как скрипач – сыграет-то он на любой даже плохой скрипке, но лучше всего на своей.

Наконец досадная оплошность была исправлена, и Жак вплотную занялся зеленью. Рука его, рассекавшая овощи на идеально ровные полоски, мелькала настолько быстро, что глаз не успевал проследить – это действительно было зрелище. Маруся только отметила, что разные овощи были и порезаны по-разному: одни мелко, другие крупно – для красоты ли, для вкуса ли, бог знает.

Жули заявила, что и для того и для другого.

– Вообще-то, итальянская поговорка утверждает, что салат должны приготавливать четыре повара, – заметила она, – Чтобы посолить, надобен повар-скупец, чтобы заправить уксусом – повар-философ, повар-мот вольет масло, а повар-художник все смешает. Мол, только тогда может получиться что-то стоящее. Я же считаю, достаточно одного хорошего повара-француза, и тогда все проблемы решатся сами собой. Что ты будешь, мясо, рыбу?

– Может, креветку попробовать? – нерешительно откликнулась Маруся.

– Пожалуйста, половину креветки, только не слишком крупной... так и скажем ему? – Жули насмешливо стрельнула глазами в сторону невозмутимо работающего повара. – У него неважно с чувством юмора.

– Вряд ли у меня получится съесть больше...

– Получится. С чесночным соусом?

– Угу...

– Жак, пожалуйста, для нашей гостьи разных креветок под чесночным соусом, только чуть смягчи его, и перцу поменьше, а мне – ассорти из рыбы. Какой бы выбрать соус... Та-а-ак, пожалуй, терияки, и сбей-ка мне немного майонеза с базиликом.

– Неужели он и майонез сам будет делать? – поразилась Маша.

– Нет, сейчас сбегает за ним в холодильник, – усмехнулась хозяйка, – Конечно, будет! Вернее, так: он отмерит и смешает требуемые ингредиенты, а уж собственно сбивать станет кто-нибудь из них, – Жули кивнула в сторону группки официантов. – Настоящий повар никогда не использует ничего несвежего. А майонез из магазина – да у него срок употребления несколько месяцев, это в лучшем случае. Жак утверждает, что все болезни современности как раз от подобных продуктов – сам-то он погибать будет от голода, но в рот не возьмет соус из банки!

– И как же быть, если другого ничего нет?

– Полей свой салат простым оливковым маслом, и дело с концом. А если есть уксус – желательно, конечно, винный – и горстка сахара, получится отличная заправка. По мне, конечно, лучше уксус заменить лимонным соком... Учти, сначала сок нужно смешать с сахаром и солью, чтобы те полностью растворились, а уж потом только доливать масло – в масле-то сахар не растает... Знаешь, я сама иногда люблю что-нибудь приготовить... Особенно летом, когда созревают первые овощи и пряные травки. Здесь помидоры такие растут! Обье-е-е-е... Сладкие-пресладкие! Чуть солоноватые от моря, так что их и приправлять уже ничем не хочется. Так и жуешь целыми днями, как яблоки... Или порежешь их помельче, отваришь тем временем настоящих хороших макарон – те надо сбрызнуть маслом, потом, пока они еще горячие, смешать с тертым сыром, лучше с пармезанским... как следует перемешать, чтобы сыр растопился и все хорошенько пропиталось, а уж сверху тогда выкладываешь помидорчики – они уже успели дать сок – добавляешь немножко айоли – это тоже чесночный соус, южно-французский, сейчас расскажу, как его делать – и ничего-то тебе больше не надо! Простая крестьянская еда...

Минут десять еще описывала Жули способы приготовления разных средиземноморских блюд, когда Маруся вдруг почувствовала, что проголодалась. Сама себе не веря, она слотнула голодную слюну и перевела взгляд на Жака – тот уже перекалывал щипцами пузырчатую

соком креветок на огромную тарелку. Метр весьма тщательно полил их сверху дымящимся соусом, добавил горку зеленого салата и несколько белых хлебцев, разогревавшихся тут же на гриле. Жестом остановив официанта, ринувшегося было ему на помощь, собственноручно поставил блюдо перед девушкой.

– Bon appetite, mademoiselle, – произнес он с поклоном.

Адекватно описать Марусины ощущения в тот вечер довольно сложно. Попробуйте-ка сами годик не есть – ну хотя бы месяцев семь-восемь – а после этого вкусить трапезу достойную богов в восточном сказочном чертоге. Причем, расположившись у фонтана, среди апельсиновых деревьев, при свете факелов и в окружении многочисленных прислужников. Несравненное, рафинированное наслаждение высочайшей пробы – вот что она испытала! Это если в двух словах... Какое-то время Маша просто осоловело сидела с блаженной улыбкой на лице, наслаждаясь приятной тяжестью в животе. Потом она почувствовала, что медленно, но совершенно неуклонно сползает в сон. И заснула прямо на стуле.

Всю ночь Маруся слышала голос, который в чем-то ее убеждал. Сначала она не соглашалась – спорила, возражала – но к утру он ее уговорил. Маша теперь точно знала, что Голос прав во всем. Абсолютно прав... Потом Голос ушел, а она ела теплые плюшки с молоком и никак не могла насытиться...

Проснулось Маруся в незнакомой комнате с высоким потоком на большой кровати. Из окна открывался сказочный вид на море. Не сразу сообразила, где она. Голова была тяжелой, мысли неповоротливые. Вспомнила вчерашний вечер и сама себе не поверила. Фантазматическая какая-то.

Торопливо приведя себя в порядок в роскошной ванной комнате, которую, Маруся вышла в коридор. Найти бы отсюда выход, поблагодарить, извиниться за то, что она так вчера расклеилась, попрощаться с милой хозяйкой и скорей вниз – Арсений уже наверняка ее с собаками ищет. И влетит же ей! Кроме того, не хочется опоздать на завтрак.

Она потрясла головой. Стоп. Значит все правда! Жули и в самом деле избавила ее от недуга... К утру, как обещала!

Поплутав по громадному пустому дому, Маша услышала, наконец, отзвуки разговора, и, распахнув одно из французских окон, вышла в знакомый апельсиновый дворик. У фонтана за столом сидела целая компания людей. Вернее, нет, их было всего трое. Двое мужчин и одна женщина. Даже отсюда она почувствовала запах свежесваренного кофе, очевидно там завтракали.

– Доброе утро, – сказала Маруся; пришлось собрать всю волю в кулак, чтобы заставить себя подойти к сидящим. Ну, нельзя же просто взять и сбежать, хотя и очень хочется. Впрочем, возможно она все равно так и поступила бы, если бы знала отсюда другой выход... И что она сейчас скажет этим людям?

При звуках ее голоса все повернулись и уставились на нее. Молодой – очень красивый темноволосый мужчина латинского типа одетый в белые шорты и майку, очевидно, для игры в теннис, немолодая – не очень красивая женщина в голубом пеньюаре с кружевной оборкой по воротнику, и наглухо застегнутый во все черное старик. В их глазах сквозил нескрываемый интерес. Немая сцена продолжалась всего несколько секунд, но Маша успела от напряжения вся взмокнуть.

– А вот и мы проснулись, – радостно пропел, поднимаясь ей навстречу, старик. Черты лица у него были крупные и резкие, голова – совершенно лысая. Вид довольно гротескный. Типичный колдун из восточной сказки, правда, улыбающийся. Когда он поднялся, стало очевидно, что ко всему прочему он мал ростом: ненамного выше стула, на котором сидел, хотя стул и был с высокой спинкой. – Мы-то думали часа два тебя еще не увидим, так? – оглянулся он на остальных, – Ну и как у нашей девочки сегодня настроение?

Создавалось ощущение, что они со стариком должны быть хорошо знакомы, но Маша-то совершенно точно никогда его раньше не видела. Разве что голос слышала...

– Спасибо, все хорошо, – пробормотала Маша, – А где Жули?

– Спит еще, надо полагать, – откликнулся карлик и, окинув ее пронизывающим взглядом темных глаз, негромко добавил: – А ты, наверное, хочешь теплых булочек с молоком? Сейчас организуем.

Маруся вытаращила на него глаза, старикан читал ее мысли!

– Да нет же, вот она идет, ранняя пташка! – приветственно помахал рукой лысый карлик, и, отодвинув свой стул, галантно склонился к руке подошедшей Жули. Смотрелись вдвоем они весьма странно, она высокая, прямая, в белом платье с широкими длинными рукавами, он – весь в черном, коротенький, согнутый временем, едва ей по плечо.

– Доброе утро. Ты-то как, ложился сегодня спать? – спросила она его ласково.

– Нет, решил прогуляться на рассвете вниз к морю – соскучился по шуму прибоя... Днем посплю. Устрою себе сиесту.

– А ты что застыла, как соляной столб? – Жули перевела взгляд на Марусю, – Поверь, никто из них не кусается. Пожалуйста, садись, сейчас тебе все принесут. Вы познакомились?

– Не успели, – откликнулся старик.

– Тогда я вас представлю. Это Маруся, о тебе все слышали... Это мой муж Шерри... Дональд Шерри.

Дональд, приподнявшись над стулом, отсалютовал двумя пальцами.

– Нас вчера попрятали по углам, не велели мешаться...

– Это моя старая подруга Мелисса, – продолжала Жули.

Старая подруга кивнула и довольно кисло улыбнулась. Возможно, ей не понравился эпитет.

– А это твой ангел, целитель и хранитель, доктор с мировой известностью Станислав Малкович. Помнишь, друг семьи, о котором я рассказывала... который меня поставил на ноги. И тебя вылечит, будь спокойна.

– Случай, безусловно, запущенный, но не тяжелый, – радостно подтвердил лысый ангел, – Откликаешься достаточно быстро... До чего хорошо вчера поужинала – от одной моей настойки! Безо всякого внушения. А уж теперь, после того, как я с тобой поработал... Все пойдет как по маслу! Не врачи тебе попались – уроды! Прошу прощения за резкость, но это чистая правда. Не хотят учиться, ничего не читают. Будто время остановилось, – удрученно покачал он головой, – Моей методике уже несколько десятков лет, не раз опубликована, спрашивается, можно было поинтересоваться? Да подобное состояние за неделю снимается! Если, конечно, захватить его в самом начале... После завтрака иголки тебе поставлю... и все с тобой будет хорошо.

– Я вам так благодарна, – ломающимся от волнения голосом проговорила Маруся, – так благодарна... вы себе даже не представляете...

– Представляем, представляем, – успокоила ее Жули. – А теперь вытри-ка слезы и принимайся за теплые булочки, которые, как вижу, тебе уже несет наша милая Мина. О, до чего аппетитные! Я тоже одну, пожалуй, съем – черт с ней с фигурой! Масло очень вкусное, мажь скорей, пока горячие! Молоко – в кувшине.

– Какая же ты все-таки свинья, Машка! – возмущенно выкрикнул братец, как только она появилась на пороге; он сидел в своем кресле лицом к двери, трагически скрестив на груди руки, и даже не смотрел на экран компьютера. – Я не сомкнул за ночь глаз! Исколесил все окрестности... По-твоему, что можно было подумать, когда к тебе посреди ночи вваливается какой-то незнакомый мужик и говорит: ваша сестра осталась у нас ночевать, а? Какой-то грек в грязном комбинезоне на голое тело... с черными волосатыми лапами. Что это такое, спра-

шивается, мы с тобой никого тут не знаем! Почему я должен ему верить? – его голос вдруг сорвался, – Я думал... вдруг тебя похитили...

– Ну что ты Арсюша, посмотри на меня, да кому я нужна, – залепетала Маша, оправдываясь; в глазах брата блестели настоящие слезы.

– Казалось бы... да вот ведь понадобилась кому-то... А я? – со всей силы он стукнул рукой по подлокотнику, – Я точно никому не нужен... Ведь можно же было позвонить, слава богу, телефоны сейчас повсюду...

Ей вдруг вспомнилась часть длинного ночного спора с Голосом, вернее, как теперь Маша знала, это был Малкович, ее карлик-хранитель... Так вот, Голос убеждал ее в необходимости взять себя в руки – хотя бы уже потому, что она является единственной надеждой и опорой младшему брату. На это она, в своей глупости, отвечала, что, мол, Арсения она лишь раздражает и мешает ему, мол тот очень самодостаточный, ему никто не нужен... Какая же она все-таки была дура! Малкович прав, тысячу раз прав... Конечно же, он просто маленький, беззащитный мальчик, у которого, в отличие от нее, достало силы воли не распуститься, хотя на него и свалилась испытание похуже: оба они лишились родителей, Арсений же потерял еще и ноги. Вернее, ноги-то вон они, с виду целые, да висят плетьюми...

– Прости меня, миленький, ну пожалуйста, – попросила она, – Я заснула, это был сеанс гипноза... понимаешь, от меня ничего не зависело... я не догадывалась... Но зато, кажется, теперь выздоровела... я ужинала и завтракала, представляешь? Конечно, еще потребуются сеансы... Это все Жули... Помнишь Жули, с которой мы познакомились несколько дней назад? С ней когда-то было то же самое... Представляешь, она вызвала для меня из Европы своего старого доктора – того, который ее вылечил... И она приглашает нас с тобой пожить у нее в доме, потому что Малкович должен меня наблюдать... и иголки ставить каждый день... Это чудо какое-то, правда! Просто чудо! Сейчас же напиши Олегу.

С дядькой они договорились в целях экономии не перезваниваться, а связываться по почте через Интернет, благо Арсений подключен к нему практически непрерывно, но из-за того, что к драгоценному компьютеру никому нельзя прикасаться, кроме его непосредственного владельца, Маруся обычно пишет письма от руки, а братец, так и быть, потом их перепечатывает и сам отправляет.

Уже справившись с собой, Арсений лишь пожал плечами, пощелкал клавишами и спустя каких-нибудь тридцать секунд буркнул:

– Готово.

– И что ты собираешься ему сообщить? – поинтересовалась Маруся, решив все-таки проконтролировать процесс.

– Уже сообщил, успокойся. Письмецо отправлено.

– Что же можно так быстро написать? – забеспокоилась Маруся, относившаяся к своим посланиям с серьезностью и тратившей на каждое не меньше четверти часа.

– Если хочешь, посмотри сама, – мстительно усмехнулся Арсений.

Маруся обошла кресло сзади и, заглянув брату через плечо, прочитала послание: «Машка ужинала и завтракала. Не блевала. Всем привет».

Легонько хлопнув брата по светлой макушке – тот отстранился с довольным видом – она засела за письмо. Сама виновата, нашла, кого просить.

Маруся описала все очень подробно и обстоятельно – такие события! – после чего принялась собирать вещи и как раз заканчивала, когда к ним в номер постучался давешний грек с волосатыми лапами – садовник Костас, которого прислали, чтобы помочь вкатить в горку кресло. Но у Арсюши никаких затруднений не возникло – парень был полон сил, энергии и любопытства – он сам подкручивал руками колеса, когда мотор начинал натужно гудеть: мускулатура на руках и груди у него сильная – натренированная ежедневными упражнениями.

Скоро Коста распахнул перед ними калитку, а полчаса спустя снизу на тележке прибыли и их вещи. Вот так брат с сестрой оказались гостями на роскошной вилле «Анис».

Известно, что хорошо долго не бывает, и в каждой бочке меда непременно должна быть своя ложка дегтя, а то и ведро. Впрочем, порой это обнаруживается не сразу. Что, в общем-то, хорошо уже само по себе. И поначалу все было просто замечательно. Они сказочно проводили время: днем загорали, купались в теплом бассейне, ездили в деревню – так все здесь называли единственный на острове городок – где посетили оба музея и прогулялись по крутым улочкам до старого храма на горе. Пару раз Шерри катал всю компанию на своей яхте «Джулия» к соседнему островку, где были замечательные пляжи с мелким белым песком – просто посмотреть: причалить там негде, поэтому бросают якорь, и до берега нужно добираться вплавь. Пока холодно. Зато наблюдали гигантскую стаю перелетных птиц – кажется, это были трясогузки – сделавших остановку на безлюдном острове. Загорали прямо на палубе, и Дональд несколько раз принимался перечислять достоинства своего судна, благо у него имелся, по крайней мере, один благодарный слушатель, не трудно догадаться кто. Яхта, в самом деле, была хороша: несмотря на свою величину очень изящная, ослепительно белая, отделанная, где положено, кипарисовым деревом. Повсюду монограмма хозяина – на посуде, на мебели, даже на парусах вышиты его инициалы. После утренних прогулок все отдыхали, а вечерами на вилле собиралось довольно шумное общество: снизу подтягивались знакомые – друзья Жули, которых она регулярно приглашает гостить на свой курорт, как она сама говорит – для компании, иначе, мол, на острове свихнешься от скуки. Арсений, обожающий умные разговоры, чувствовал себя в этой разношерстном обществе как рыба в воде: его познания затрагивают порой самые невероятные области, и он способен разговаривать с кем угодно практически на любую тему. Ариец, оказавшийся одним из друзей Жули, обучал его игре в гольф: выяснилось, что при известной сноровке по мячику можно бить даже сидя в инвалидном кресле, требуется лишь незначительная помощь для преодоления некоторых ландшафтных препятствий. Арсений, естественно, был в полном восторге. Маруся, по обыкновению, молча, с интересом наблюдала за всем происходящим и за две недели такой жизни потолстела на целый килограмм, чем гордилась невероятно. Ничто, ничто не предвещало несчастья. Пока не пропала Мина.

День начался как обычно. За утренний кофе здесь садятся не раньше одиннадцати, потому как Жули не любит вставать рано, а Шерри, наоборот, до завтрака обязательно играет в теннис – час, а то и два с кем-нибудь из знакомых на нижних кортах. Малкович – старый-старый, а уходит в горы каждое утро, Маруся, как ей предписано, нагуливая аппетит, прохаживается по дорожкам среди ухоженных цветочных клумб, а Арсений занимается одному ему известными компьютерными делами. Но сегодня к положенному времени, когда к завтраку собрались почти все обитатели дома за исключением Малковича еще не спустившегося с вершин, стол оставался пустым. Спустя четверть часа выяснилось, что Мины нет ни в ее комнате, ни в каких-либо других многочисленных помещениях дома. Не оказалось ее также и в саду, да и что бы ей там было, собственно, делать, когда завтрак не подан? Озадаченно хмуря высокий лоб, Жули нажимала на кнопки своего крохотного телефона, связываясь с различными службами отеля, чтобы задать один и тот же вопрос, после чего недоуменно пожимала плечами. Потом откуда-то со стороны моря с внезапным порывом ветра донесся приглушенный крик.

Вчетвером они выбежали на террасу. Вцепившись обеими руками в каменные перила, подтягиваясь к ним из своего кресла чтобы лучше видеть, Арсений напряженно всматривался куда-то вниз. Маруся, поборов приступ ужаса, заглянула за балюстраду вместе со всеми.

Пропасть, голубая бездна, а по краю ее – белые-белые скалы. А на белом фоне – синее пятно, а уж по синему красные пятна – не то алые маки, не то кровь.

– Да, я абсолютно уверена, она лежит там с вечера, – нетерпеливо повторила Жюли растерянному толстому полицейскому, который прикатил из деревни на велосипеде спустя час; на острове за ненадобностью нет полицейской машины. – Мина любит... любила... это платье, но утром она его никогда не носила, обычно надевала что-нибудь светлое... как, в общем-то, и большинство людей здесь, на юге, за исключением разве что его, – она кивнула в сторону Малковича, который по обыкновению по самое горло был упакован в черное.

Тот хмуро кивнул в подтверждение ее слов. Даже улыбающийся он походил на колдуна, сейчас, мрачный, с жесткими сбегаящими вниз складками, казался олицетворением злых сил.

Полицейский задержал на нем взгляд.

– Что вы на него смотрите? – Шерри раздраженно пихнул ногой стоящий рядом стул, – Лучше скажите, когда вы собираетесь ее оттуда достать? И каким образом? Вы понимаете, что туда не добраться – ни с воды, ни сверху – разве что альпинистов вызывать...

– Да, вы правы, придется вызвать, – с готовностью согласился полицейский, на английском он говорил бегло, но с сильным акцентом. – И остальных тоже, – он выудил из нагрудного кармана голубой форменной рубашки измятый платок, промокнул потный лоб и пояснил, – Данное происшествие не в нашей компетенции, вы, наверное, понимаете... Это ведь вполне может быть – он замылся, – убийство... так сказать... а не несчастный случай... Придется подождать пока приедут из Управления. Из Ираклиона. Я сообщу, куда следует. Прошу вас соблюдать спокойствие.

Пока все в шоке переваривали услышанное, он торопливо ретировался к своему велосипеду, брошенному внизу у лестницы, неловко заскочил в седло и резво потрясся прочь по каменным плитам, справедливо опасаясь, что его могут остановить.

– А как же Мина? – беспомощно выкрикнула Жули вслед его круглой спине.

– Скажи спасибо, что он хотя бы нас понял, – мрачно процедил ее муж.

Следующие несколько часов прошли как в каком-то сне. Невозможно что-либо делать – есть, пить, читать, разговаривать, когда знаешь, что в ста метрах от тебя на скалах лежит мертвая женщина. А вокруг нее с клекотом кружат хищные чайки. И никак нельзя их отогнать...

Поэтому когда раздался звук подлетающего вертолета, обитатели виллы вздохнули с облегчением. Тот сделал пару кругов над домом и затем ушел вниз к посадочной площадке. Пятнадцать минут спустя появились долгожданные альпинисты – четверо молодых людей в специальной форме с объемистыми рюкзаками за плечами и болтающимися бухтами веревок: Греция преимущественно горная страна, да к тому же самими богами предназначенная для туристов – а последних, как известно, хлебом не корми, дай вскарабкаться на вершину покруче и застрять там в какой-нибудь расщелине, поэтому что-то, а служба спасения организована здесь прилично.

Шерри вызвался показать лучшее для спуска место и повел их куда-то в сторону от дома. Они перелезли через невысокий парапет, ограничивающий край обрыва, и скрылись в зарослях цветущей мимозы, дико растущей на скалах. После чего на сцене возник следующий персонаж – еще один полицейский, и если его предшественник, столь стремительно покинувший утром место происшествия, был кругл и невысок ростом, этот, наоборот, оказался длинной тощей жердью – никак не меньше двух метров, а то и больше. Форма на нем болталась, как на вешалке. Движения его казались несколько замедленными – так перемещается жираф по саванне: понятное дело, командам от головного мозга до конечностей требуется пройти весьма даже изрядное расстояние – не до живости тут. Собственно, и голова – как вместилище упомянутого головного мозга – для подобного туловища явно была маловата.

– Господи, ну и везет же нам, – в отчаянии прошептала Жули, вцепившись в рукав крошки Малковича, очевидно для поддержания духа.

– Разрешите представиться, лейтенант Нил Скулас, – проскрипела жердь, чуть качнувшись, хотя ветра и не было. – Откомандирован на остров для расследования. Сейчас я осмотрю

место происшествия, и давайте отправимся куда-нибудь в спокойное место, где можно без помех потолковать.

Маруся огляделась, вокруг никого, бриз совсем утих, не слышно отчего-то стало даже чаек – тихо-тихо... Никаких помех.

Они прошли в гостиную. Высокие окна комнаты устались прямо в море, стены до потолка сплошь увешаны старинными восточными коврами. Широкие низкие диваны, заваленные пестрыми подушками, делят комнату на уютные закутки, между ними небольшие окруженные креслами столы, каждый для маленькой компании. Лейтенант сам выбрал один из них и уселся первым. Минут пять прошло в напряженной тишине, Скулас почему-то молчал, с видимым интересом разглядывая ковры и связки старинных бронзовых колокольчиков, там и сям развешанных поверх них, остальные терпеливо ждали, пока странный полицейский покончит с этим увлекательным занятием.

Снова открылась дверь, и в комнату ворвался Шерри. Лицо у него было пунцовое, мокрое, белая рубашка в грязных пятнах, но он этого, обычно такой вальяжный, очевидно даже не замечал.

– Ужасно, совершенно ужасно, – нервно бормотал он, придвигая к столу кресло. – Нам удалось довольно близко к ней подобраться... Из нее котлета вышла, честное слово... и птицы поработали. Я не смог там остаться... сбежал... ну и работенка у них, я вам скажу... Ох, прости, ради бога, – добавил он, заметив, как исказилось лицо жены.

– Значит так, все в сборе... Джулия Дюпре, владелица дома, – начал читать Нил Скулас из своей записной книжки, – Дональд Шерри, супруг владелицы... Станислав Малкович, гость... Мелисса Гиффин, гостья... Мария и Арсений Писаревы, гости. Все правильно?

– Абсолютно, – устало выдохнула Жули; из нее будто высосали весь цвет, выглядела она сейчас гораздо старше, чем обычно.

– Кто обнаружил труп?

– Ну, я, – отозвался Арсений.

– Как же это произошло? – Скулас пристально взглянул на подростка. – Насколько я успел заметить, тело отнюдь не бросается в глаза. Нужно специально заглянуть за парапет, чтобы его увидеть.

– Абсолютно верно, – серьезно кивнул Арсений.

– Ну, так как же?

– Понимаете, я просто немного поразмышлял: где же она еще может быть... если ее нет ни в доме, ни в саду – здесь особенно ведь некуда податься... Вот и заглянул туда.

– Угу, – секунду раздумывал следователь. – Ну что ж, логично.

Он сделал пометку в своей книжечке и повернулся к хозяйке дома.

– Значит, вы считаете, что она упала туда еще вечером.

– Да, да, я так считаю, – монотонно проговорила Жули, – Какая разница как я считаю... уже дважды объясняла вашему предшественнику, и уверена, вы сами сможете в этом убедиться, когда, наконец, поднимите ее... несчастную... наверх.

– Она ничем не болела? Депрессиями, шизофренией... не страдала лунатизмом?

– Что? – Жули буквально задохнулась от возмущения. – Вы-то сами как, в своем уме? Издеваться приехали?

– Ну-ну, возьми себя в руки, – успокаивающе погладил ее по плечу малютка Малкович, – Надо будет дать тебе еще капелек... Нет, Мина ничем не страдала, это я ответственно утверждаю, как специалист... как психотерапевт... Я знал ее долгие годы.

– Она была абсолютно здорова. Аномально здорова для своего возраста, – с горечью подтвердила Жули; ее лицо застыло бледной трагической маской. – Добрая, старая, такая вменяемая Мина... Кто-то подошел и столкнул тебя туда, вниз... В мою голубую пропасть.

Над столом повисло тягостное молчание.

– То есть, вы полагаете, ей помогли упасть? – нарушил, наконец, тишину Скулас и, не дожидаясь ответа, добавил, – Да я и сам сразу подумал: для того, чтобы перелезть через вашу балюстраду, бедняге скамеечку нужно было бы с собой притащить. Она ведь совсем невысокая была... как мне показалось сверху. Не ошибся?

– Метр шестьдесят два, – морщась от какого-то воспоминания, пробормотала Жули.

– Я, при желании, смог бы перевалиться, но во мне росту чуть не на полметра больше... – очевидно, припоминая высоту парапета, Скулас отчеркнул на своем животе линию сантиметров на пять выше пояса, – Ей эти перила – примерно по грудь. Пожалуй, да, вы меня убедили, – известил он, и с трудом выпростав свое нескладное тело из глубин мягкого кресла, двинулся к выходу. – Пойду, посмотрю, как там дела, а вы пока постарайтесь вспомнить вчерашний вечер во всех деталях. Потом продолжим.

– Вот это ты зря, – прошипел Шерри, когда дверь за ним закрылась, – Совершенно ни к чему давать им повод здесь задерживаться... перед самым началом сезона. Глупо раздувать шумиху. Одно дело несчастный случай, другое дело... – он нервно лизнул сбитые костяшки пальцев, – Весь ободрался, пока лез... Сама подумай, кто поедет на остров, когда известно, что у нас тут убийство?

– То есть это как? – Жули, потрясенная, подняла глаза на мужа, – По-твоему, я должна лгать, из опасения, что к нам приедет на тридцать постояльцев меньше? Или на пятьдесят... Пусть даже совсем никто не приедет! Мину убили, ты разве не понял?

– Ничего я не понял! – рывком отодвинул кресло Дональд, – Откуда ты это вообще взяла?

– Шерри, конечно, совсем не это имел в виду, Джулия, – проговорила Мелисса своим обычным вялым тоном. – Не надо забывать, что мы для них иностранцы. А ты сама знаешь, когда дело касается убийства – она зябко передернула плечами – власти часто начинают вести себя неадекватно. Честно говоря, совсем не хочется, чтобы меня приглашали на допросы в греческую полицию... равно как и в любую другую... Потом, что значит лгать, ты разве видела, как ее столкнули? Это всего лишь твое предположение, не более.

– Нет, я почти уверена...

– Почти, – хмыкнула Мелисса, – Так не подливай масла в огонь. Здесь и без того может стать жарковато. Сами как-нибудь разберутся... если, конечно, соображения хватит.

– Между прочим, зря вы так говорите, – вклинился в разговор Арсений – этот Нилыч совсем даже не дурак, – сделав круг по гостиной, он снова подъехал к столу, за которым сидели остальные. – Про скамеечку-то совершенно правильно сказал – балюстрада и в самом деле довольно высокая, а на веранде утром ничего не было – я-то это сразу заметил. И, кстати, Жули, скорее всего, права, случилось это почти наверняка не сегодня. Иначе во-он там не остались бы вчерашние стаканы, – он показал на один из столов, где действительно стояло несколько полупустых коктейльных бокалов, – Мина наверняка распорядилась бы, чтобы здесь убрали после ухода гостей, ведь так?

Жюли мрачно кивнула.

– Но ясно также, что им не доказать факт убийства, если, конечно, не отыщется свидетель, – задумчиво проговорил Малкович, – Никаких следов пальцев на теле, если они и были, естественно, не найдут – какое там, в кровавом месиве... любые кровоподтеки можно объяснить падением с высоты. Если только не будет следов удушения, но это маловероятно. Отсутствие скамейки, или кресла... да мало ли, она могла подпрыгнуть, подтянуться... Глупость, конечно. Но всегда остается такая вероятность. Поэтому, Джулия, – в этом я согласен с остальными – не стоит настаивать. Пусть сами делают выводы, не подталкивай их...

– Никуда я никого не подталкиваю, это Мину столкнули... – всхлипнула Жули, – я просто говорю то, что думаю... и впредь полагаю поступать подобным образом. Все, больше не могу, пойду прилягу. Хотя бы на часок. Позовете, если ему понадобится.

– Да, правильно, – заботливо подхватил ее под руку коротышка. – А я тебе сейчас на ушко пошепчу, пошепчу... ты немножко поспишь и придешь в себя.

Странная пара – белое и черное – удалилась. Снова в гостиной надолго воцарилось мрачное молчание.

– Ну что нам, так и сидеть здесь истуканами? – наконец с тяжелым вздохом осведомился Шерри – он откинулся на спину, задрал к потолку голову и теперь медленно раскачивался вместе с креслом. – Или все-таки разрешат погулять по дорожкам вокруг дома под присмотром полиции? Руки, естественно, мы будем держать за спиной...

– Я вас надолго не задержу, – раздался от двери скрипучий голос. Скулас вошел совершенно бесшумно.

– Ага, подслушивали! – кивнул Шерри, – Ну, ну!

– Так вы же ни о чем не говорили, – он неторопливо пронес свое длинное тело через комнату. – Кто-нибудь из вас вспомнил подозрительные факты? Нет... Тогда я хотел бы записать имена всех, кто присутствовал здесь вчера... мадам Дюпре оказалась права, тело пролежало там уже достаточно долго, что можно заключить и без экспертизы патологоанатома. После вскрытия время будет установлено с точностью до часа... я надеюсь. Итак, записываю.

– Э-э-э... ну, во-первых, присутствовали все мы, имена у вас уже есть... Эрик со своей женой Лизой – они живут внизу, в бунгало, по-моему, под номером восемь... Это легко уточнить. Так... Стив и Мелани... сразу говорю, фамилий не знаю – это все ее знакомые... кажется, в семнадцатом... и Анри... Анри Дюпре, сосед, их вилла расположена в трех минутах ходьбы от нас. Собственно, он в некотором смысле родственник Джулии. По первому мужу.

– Хорошо, я их найду... А теперь постарайтесь вспомнить, когда вы – каждый из вас – видели погибшую в последний раз, так нам будет проще установить время...

Наконец Скулас их отпустил. Братец захотел посекретничать, и Маруся, польщенная таким необыкновенным вниманием с его стороны, послушно побежала за ним в сад – тот несся по коридору во весь опор. Почему в сад? Он не хотел, чтобы их подслушали. Кому бы это могло понадобиться, – удивилась про себя Маруся, но спорить не стала. Впрочем, догнать его удалось только когда он сам остановился посередине ухоженной лужайки за домом, где вокруг неработающего фонтана стояло несколько каменных скамеек.

– Так, Машка, давай колись, ты-то что думаешь, кто мог столкнуть старушку в пропасть? – возбужденно спросил Арсений, едва дождавшись пока она подойдет.

– Ну, во-первых, она не такая уж и старая, по-моему, ей не было шестидесяти, – возразила Маша; понятно, что когда тебе пятнадцать, и сорокалетние кажутся дряхлой рухлядью.

– Не обращай внимания, считай это оборотом речи. Так как?

– Чудной ты, Арсюша, да никак! И потом... ты понимаешь, это ведь настоящая трагедия, а не компьютерный квест. Это тебе не выдуманную головоломку решать, чтобы пройти в игрушке на следующий уровень.

– Вся жизнь – игра, Машенька, как хорошо известно. Мне самому жаль тетку... правда! Она симпатичная была... заботливая. И если я хочу найти ее убийцу, что в этом удивительного? – серые глаза на загорелом лице с облупившимся розовым носом светились решимостью.

– Ты хочешь найти убийцу? – ужаснулась Маша. – Во-первых, это очень опасно, во-вторых, для этого есть полиция... Да и вообще, что ты о себе возомнил?

– Так, значит, не хочешь разговаривать, – насупил светлые брови брат. – Как знаешь...

– Нет, хочу, хочу, – спохватилась Маруся; в другой раз не снизойдет до нее. – Но только, извини, я никого не подозреваю...

– А я подозреваю абсолютно всех, – отрезал братец. – Это на первой стадии расследования, пока нет никаких достоверных фактов. Потом, конечно, будет произведен отбор.

– Как, и меня тоже? – поразилась Маша.

Арсений критически оглядел ее с ног до головы.

– По здоровом размышлении, пожалуй, нет, – с сожалением покачал он головой. – Хоть ты и потолстела на целый килограмм, о чем уже, по-моему, известно всей Греции... Нет, должен огорчить, Машка, кишка у тебя пока тонка. Трехлетнего ребенка, может, и смогла бы перекинуть через парапет... но не старушку.

– Что ты несешь? – Маруся буквально захлебнулась возмущением. – Какого еще ребенка, ты хотя бы чуть-чуть думай!

– Себя я тоже исключаю, – не обратив ни малейшего внимания на ее протест, бодро продолжал Арсений – во-первых, мне известно, что это не я, во-вторых, инвалиду трудно было бы это сделать чисто по техническим соображениям... Положим, руки у меня сильные, это да, но вот колеса откатились бы в сторону – вряд ли бы она стала дожидаться, пока я свою тележку на тормоз поставлю, как ты думаешь...

На это Маруся только фыркнула.

– Все остальные вполне могли это повернуть, – завершил братец.

– Как, ты и Жули сюда приписываешь? – возмутилась Маша.

– Почему же нет? Рослая, тренированная женщина... Как два байта переслать!

– Зачем бы ей это понадобилось?

– Мотивы от нас пока скрыты... да мало ли! Припадок бешенства, помутнение, мы же ничего о ней на самом-то деле не знаем.

– Как тебе не стыдно, Арсений! Она хороший, добрый, сострадательный человек... Она... Короче, я не желаю слушать про нее гадости!

– Все, все, успокойся! Мы обсуждаем возможности. Я же не говорю, что она это сделала... могла сделать... Все, молчу! Теперь о других. Что ты скажешь о Мелиссе?

– Мелисса... – задумчиво протянула Маруся, – она настолько вялая, тягучая, куда ей с таким характером кого-нибудь сбросить с обрыва. Совершенно не представляю ее в подобной роли. Потом она только с первого взгляда такая противная, мы несколько раз с ней разговаривали: вполне даже ничего, нормальная женщина.

Арсений кивнул.

– То есть даже ты вынуждена признать, что особа она малоприятная. А насчет ее вялости – так в подобных тихих омутках как раз все черти и водятся! Потом, если с тобой кто-то вежливо поговорил, это еще не значит, что человек приличный. Естественно, она вполне светская, и, в общем, не дура. Глазками своими маленькими зыркает вполне даже осмысленно.

– Вряд ли Жули стала бы с ней так долго дружить, если бы она была совсем мерзкой.

– Это не аргумент.

– Ну, к чему Мелиссе это делать, подумай! Опять сумасшествие, припадок гнева? Так любого можно приплести.

– Пока нет фактов, стоит обсуждать только возможность совершения преступления, и высказывать свои домыслы, а также симпатии и антипатии. Характер в таком деле много значит. Возьмем, к примеру, такого сладкого и красивого Шерри. Просто спрашиваю, мог наш «Дональд Дак» совершить подобное деяние или не мог? Была у него возможность? Была. Сил предостаточно. Мотив? Как и у остальных – неизвестен. Пойдем дальше. Предвижу бурю негодования, шквал визга и брызги слюны. Заранее готовлю платок, дабы утираться... Малкович, вот ведь интересная фигура. Тут перед нами открываются воистину бескрайние горизонты. Гипнотизер! Росточку в нем маловато, согласен, но в отличие от остальных он вполне мог ввести ее в транс и заставить саму спрыгнуть с парапета – бедняге могло казаться, что она спускается с лестницы или ныряет в бассейн, да что угодно! Здорово, правда?

– Но зачем, зачем? – устало пробормотала Маруся, опускаясь на ближайшую скамейку.

– Лучше бы тебе не сидеть на камне, мама тебе этого не позволяла...

– Скамейка теплая, солнце, смотри, вон какое... Так зачем?

– Ты сама говорила, Мина была еще не старая, может, он предложил ей сердце или там руку, не знаю что, а та отказала. Обидела его – у карлика наверняка имеется целый букет комплексов. Вот злой старикан и обозлился – не доставайся же красотка никому! Прыгай!

– Глупость, какая глупость, – прошептала Маня едва слышно и громче добавила: – То есть, получается, ты допускаешь возможность самоубийства. Это все меняет.

– Доведение до самоубийства с помощью гипноза, это ровно такое же убийство, как если стукнуть человека топором по черепушке. Какая разница? Хотя нет, что это я... стукнуть топором можно и случайно, в состоянии аффекта, а вот запрограммировать человека на то чтобы прыгнуть в пропасть, не замышляя его убийства, абсолютно невозможно.

– Но все равно тогда получается, она и сама могла спрыгнуть. Безо всяких внушений. Как справедливо подметил Малкович, нельзя исключить такую возможность. Что если она была неизлечимо больна?

– Тогда бы там остался стул. А его не было. Злоумышленник убрал его.

– Не понимаю, зачем кому-то понадобилось это делать. Наоборот, стул следовало туда принести, тогда об убийстве сейчас, скорее всего, не было бы и речи.

– Пожалуй, Малковичу стоило его там оставить, – задумчиво пробормотал Арсений.

– Да что ты к нему привязался, – вскипела, наконец, Маша. – Убийца был нормального роста и достаточно сильный. Он сбросил Мину вниз и ушел. О стуле он в тот момент попросту не подумал!

Арсений внимательно посмотрел на сестру.

– Вот видишь, сколько можно сделать вполне логичных выводов даже из ничтожной горстки имеющихся фактов, если на мгновение включить мозги, – бодро подытожил он.

Маша только головой покачала.

– Почему, интересно, он не работает? – девушка поднялась со скамейки, подошла к фонтану и положила руку на мраморную голову одного из дельфинов, украшающих каменную чашу: хотелось уже переменить тему. – Здесь же не бывает морозов, даже зимой.

– Может, трубы проржавели, которые воду подают, а хозяйке неохота из-за этого портить раскопками весь газон, а может, внутри тайник с кладом, а сам фонтан для отвода глаз... а может, там под плитами труп зарыт, например, любовника нашей хозяйки, а может...

– Все, давай продолжим, – прервала Маруся поток подросткового сознания: брат явно не собирался отвлекаться от занимательной темы убийств. – Обсудим теперь вчерашних гостей. Насколько я понимаю, ариец Эрик с женой, конечно, вне всяких подозрений. Как же, он тебя в гольф учит играть, а это дело нешуточное!

– Нет, почему же, – явно смутился Арсений, – Я ни для кого не делаю исключений. Конечно, они тоже под подозрением, как и все остальные. Зато вследствие моей игры в гольф я немного о нем знаю: он работает в каком-то крупном немецком издательстве. С Жули не встречался около десяти лет, но решил заехать повидаться; она его тепло приняла, пригласила приехать с женой. Лизе очень понравился остров, и они решили остаться здесь на весь отпуск. Неплохой теннисный игрок, я пару раз наблюдал за его игрой с Шерри.

– Очень информативно.

– О других мы вообще ничего не знаем.

– Почему? Ничуть не меньше. Стив и Мелани – художники. Занимаются современным искусством, а раз слово «современное» ими подчеркивается, то это, скорее всего, означает, что работы их состоят из чего-нибудь мало удобоваримого, но точно не из холстов с красками. Надо будет порасспрашивать. Живут под Сан-Франциско. Любят бывать в Европе. Красивая пара – что он, что она. На мой взгляд, оба довольно симпатичные... приветливые. Не могу представить, зачем бы им понадобилось расправляться с милейшей Миной...

– Да, мотив совершенно не ясен, – согласился Арсений. – Но это касается абсолютно всех, не только художников. Кому и чем она могла помешать, понять бы... Вот если бы Мина

оказалась турецкой шпионкой, тогда другое дело... ее вполне мог бы устранить какой-нибудь грек-патриот, например наш садовник Коста. Но это маловероятно... Кстати, где сам Коста, он обычно отсиживается по кустам, лишь бы ничего не делать... Вдруг он что-то видел вчера.

– Ну, если б видел, думаю, уже сказал бы.

– Не факт. Островные жители полицию не жалуют, впрочем, насколько мне известно, как и обитатели всех остальных островов с материками – это же карательные органы. Почитай любой детектив, посмотри любой фильм – следователь всегда с огромным трудом выколупывает самую невинную информацию. Как все мы знаем из мировой классики, даже невинные всегда в чем-нибудь да наврут, причем – с три короба. По каким-то им одним известным причинам.

– Я лично врать не собираюсь и даже не представляю повода, почему бы стала это делать.

– У тебя туговато с воображением, как я уже не раз тебе говорил, – кивнул Арсений. – И вообще ты очень предсказуема. Надо с этим как-то бороться, взрослая девушка как никак... Попробуй представить на минуту, что убийца Мины – я, твой родной любимый брат, а ты об этом узнала. Ну, не кривись ты так, только представь!

Маша, вздохнув, кивнула.

– Вообразила? Не может быть... – саркастически хмыкнул Арсений. – И что, неужели помчалась бы застучать меня злому Скуласу, а? Уверен, что нет! Ты бы убедила себя, что я несчастный съехавший инвалид, не осознавал что делаю, и твой долг старшей сестры уберечь от каторги несчастного ребенка, чего бы то тебе ни стоило, – он искоса взглянул на сестру; та, нахмутив лоб, молчала, – Ага, вот и попалась!

– Но ты же этого не делал, – слабо возразила она.

– В данном конкретном случае тебе повезло, да, это вымысел. Но это еще не значит, что в следующий раз на меня не будут указывать некоторые улики, пусть даже...

– Какой еще следующий раз, что ты мелешь? – испугано оборвала брата Маруся. – Помоему ты уже действительно с катушек съехал!

– А ты читала когда-нибудь детектив, в котором всего одно убийство?

– Ой, пожалуйста, брось демагогию. В жизни, к счастью, все происходит по другим законам.

– Не знаю, с чего ты так решила, но если не найдется причины, объясняющей данное убийство, будет, уверяю тебя, и следующее. Просто по логике вещей. Потому как очень трудно представить Мину объектом преступления, и это, если ты заметила, общее мнение.

Маруся едва не застонала от подобной перспективы.

– Ну ладно, хватит уже, – попыталась она в очередной раз закруглить беседу, – всех обсудили, пойдем обратно, вдруг что-нибудь прояснилось.

– Как раз таки не всех, – не унимался братец. – Ох уж эта мне девичья память! Неужели мы позабыли про Андрюшу Дюпрэ? Верится с трудом. Тем более что он нам не совсем безразличен, так сказать...

– С чего ты это взял, идиот, – горячо возмутилась Маруся, но густо при этом покраснела.

– Надо же, попал! – радостно загоготал подросток. – Господи, тобой можно управлять как марионеткой: нажал на эту кнопку – возмущение, нажал на другую – покраснение кожных покровов, на третью – слезы... Ну нельзя же так, Машенька, в конце концов, ты ведь не собака Павлова! Я просто боюсь за тебя, если на тебе женится какой-нибудь негодяй, он из тебя веревки будет вить...

– Все, хватит, – решительно оборвала брата Маруся. – Достаточно уже наслушалась гадостей на сегодня! Если хочешь что-то обсуждать, давай делать это серьезно, без перехода на личности.

– Слова не юноши, но мужа, – одобрительно покивал брат. – Учись стоять за себя, Маня. Обсуждаем серьезно. Что нам известно о вышеупомянутом персонаже? Опять же, довольно

немного: Анри Дюпрэ, интересный молодой человек, лет этак двадцати восьми от роду – молодой, это, по-вашему, а, по-моему, еще не очень старый – сын покойного мужа Жули от первого брака. Андрюша дружит с мачехой, хотя, конечно, слово «мачеха» в данном случае вряд ли подходит, ибо имеется настоящая мать, Соня Дюпрэ, которая, собственно, и проживает поблизости на вилле «Лаванда» вместе со своим сыном. Пикантность состоит в том, что и при жизни Морриса Дюпрэ – отца Андрюши, все обстояло точно так же. То есть две жены сидели практически в одной банке, каково им было, как ты думаешь? Хотелось ли им перекусить друг другу дыхальца, отгрызть лапки? И кому из оных хотелось этого сильнее? Полагаю все-таки, что бывшей жене... Может, покойный был садист, а? Так издеваться над женщинами – любимой и экс-любимой... Может, поэтому Соня Дюпрэ практически спилась к своим пятидесяти или, не знаю, сколько ей там лет... как ты думаешь?

– Жули говорит, пить она начала задолго до развода, мол, это и было одной из причин, разрушивших брак. И именно поэтому Моррис, будучи ответственным человеком, боялся бросить Соню одну с сыном, и они всегда жили поблизости – и здесь на острове, и в Европе, куда уезжали на зиму. Сначала Жули это раздражало, потом привыкла, а у Сони другого выхода не было, иначе бы он перестал давать деньги.

– Обидно, но, пожалуй, все вышесказанное действительно нельзя считать доказательством виновности Анри Дюпрэ, – горестно вздохнул Арсений.

– Не юродствуй, – попросила Маруся, – и без того тошно.

– Это правда, – неожиданно быстро согласился братец. – Тошно. И опасно.

Маруся вскинула на него глаза.

– Ты что, до сих пор не уяснила себе, что мы находимся в одной компании с убийцей? – вполне искренне удивился Арсений. – Человеком, который без видимой причины убил другого человека? Неужели у тебя настолько плохо с мозгами?

Маша вдруг почувствовала как неприятный холодок пробежал вдоль позвоночника, а потом вверх по щекам к вискам – и это несмотря на жаркие лучи солнца, ярким белесым светом заливавшие всю лужайку с пустым фонтаном посередине.

Начало Расследования

Когда брат с сетрой наконец вернулись в дом, тот показался зловещим. Его и раньше трудно было назвать уютным – дворцы строят, сообразуясь с какими-то иными задачами – поражать убранством и роскошью, а не приятной согласованностью с человеческими размерами, не такими уж, прямо сказать, и грандиозными. Каменные полы сплошь застланы коврами, поэтому шагов не слышно, но любое слово эхом отдается в высоких готических сводах переходов. Оставалось лишь шептаться.

Перед дверью в гостиную маячила фигура – непропорционально длинная даже для замка, впрочем, как и для любой другой человеческой постройки – этой фигуре попросту не хватало протяженности в ширину. Возможно, в роду Скуласов случились когда-то пришельцы из космоса – наверняка что так.

– Где вы прятались? – проскрипел Скулас, окинув брата с сестрой подозрительным взглядом из-под кустистых черных бровей; чем-чем, а растительностью на лице он не обделен, его щеки посинели от щетины – брился он наверняка рано утром, а день-то уже клонится к вечеру.

– Мы не прятались. Мы держали между собой совет, – с достоинством ответил Арсений, притормозив в метре от полицейского. Маруся на всякий случай остановилась позади его кресла и крепче вцепилась в резиновые ручки.

– И к какому, интересно, пришли выводу?

– Убийство, совершенное неизвестным лицом или лицами со столь же неизвестной целью. Возможно, первое в цепи.

– Ого... Это почему же?

– Ну-у... как я уже объяснял сестре, сложно представить Мину целью преступления.

– А если, к примеру, она видела вора, – покачнулся Скулас всем своим бесконечным телом, – что тогда?

– Какого еще вора? – не на шутку переполошился Арсений. – Почему мне не сказали? Что украдено?

– А вот нечего было прятаться. Сидели бы с остальными – и узнали бы. Теперь не скажу.

Скулас поджал тонкие губы и отвернулся.

Арсений несколько раз открывал и закрывал рот – как беспомощная рыбешка, неожиданно выброшенная волной на берег.

– Вы не имеете права, – наконец вырвалось у него. – Вы должны опросить нас по всей форме! Что это за безобразие такое, есть же общепринятый порядок! А если вору – мы?

– Хозяйка дома попросила не беспокоить ее несовершеннолетних гостей без особой необходимости, и я пока не вижу причины не выполнить ее просьбу.

– Я совершеннолетняя! – слабо пискнула Маша в сутулую спину удаляющегося полицейского, но тот очевидно не расслышал. Или сделал вид.

Впрочем, разузнать новости не составило большого труда. Сложно было отыскать в доме кого-то живого, а уж потом Малкович – тот сидел в саду у низкого плетеного столика, на котором в серебряном ведре во льду охлаждалась бутылка белого сухого вина, мрачно отхлебывая из запотелого бокала, сообщил, как обнаружилась кража. А именно: лейтенант Скулас поинтересовался, не пропало ли чего – собственно, это первое, что требовалось проверить и непонятно, как это никому не пришло в голову раньше. Дональд пошел по дому и довольно скоро обнаружил, что в библиотеке из шкафа-витрины исчез кляссер с серебряными монетами семнадцатого века. Дверца армированного стекла оказалась приоткрытой, в замочной скважине торчал ключ, так что это даже трудно назвать кражей со взломом.

– Угу, – хмуро поддакнул Арсений. – Кража с убийством. Надеюсь, Нилыч хотя бы искал отпечатки пальцев? Или так и бросил?

– Нет-нет, лейтенант все сделал по правилам. Представьте, у него с собой даже специальный саквояж с оборудованием оказался для этой цели. Очень профессионально.

– Ишь ты... – присвистнул подросток. – Теперь понятно, что он так возгордился!

– Да, да. И отпечатки снял – как со шкафа, так и со всех присутствовавших. Теперь нас благополучно занесут в картотеку греческой полиции, – Малкович пошевелил в воздухе своими маленькими, старчески сморщенными пальчиками с длинными желтоватыми ногтями, подушечки которых были вымазаны черным. – Даже щеткой не оттирается...

– Ну, ничего себе! – негодуя фыркнул Арсений и перевел возмущенный взгляд на сестру. – Ему, видишь ли, даже наши отпечатки не нужны! Нет, он, что не понимает... это же не лезет ни в какие ворота! Придурак он после этого, а не полицейский! Ну, ладно, мы еще посмотрим кто кого!

– Чем ты, собственно, недоволен? – Малкович с интересом оглядел подростка. – Тем, что тебя не подозревают в краже? А заодно и в убийстве? Весьма любопытно. Можно сказать, психологическая проблема... Кстати, – он перевел взгляд на Марусю, – это напоминает мне, что сегодня у тебя не было процедуры, – Малкович легко вздохнул и, поставив пустой бокал на стол, поднялся с кресла. – Нам только рецидива еще и не хватало, да, дитя мое?

– Если б шкаф был закрыт, я и не заметил бы пропажи... не стал бы я эти кляссеры пересчитывать, мне бы в голову это, скорее всего, не пришло... – ответил Шерри на вопрос Арсения. – Все монеты, которые на виду, целы – ну, те, что выложены в специальные демонстрационные ящички, а они очень ценные.

Он проглотил еще пару ложек супа, промокнул губы салфеткой и отставил полупустую тарелку, предоставляя официанту убрать ее со стола.

Обитатели дома обедали сегодня поздно. Полиция и спасатели, наконец, отбыли, и восстановилось некоторое подобие status quo. Жюли выглядела бледной и подавленной, Мелисса – тоже, впрочем, последняя всегда выглядела подобным образом. Что до Маруси – та после недавней процедуры чувствовала себя прекрасно и ела с большим аппетитом – она даже ошущала некоторую вину из-за этого – остальные-то едва ковыряли в своих тарелках.

– И сколько эти монеты могут стоить? – продолжал настырный подросток.

– Да не знаю даже... – задумался Шерри, затем перевел взгляд на жену. – Сколько?

– Понятия не имею, – апатично отозвалась та. – Единственно, что могу сказать... Моррис считал себя серьезным коллекционером и, естественно, собирал не лом какой-нибудь, а только ценные вещи – он мог себе это позволить. В библиотеке даже сигнализация раньше была... Потом что-то там испортилась... Может, сто тысяч... двести... не знаю.

– И нельзя даже приблизительно оценить?

Жули молча пожала плечами.

– Думаю, можно, – вмешался Малкович. – Коллекция, насколько мне известно, каталогизирована, и даже внесена в справочники... Специалист, конечно, сможет это сделать. Но на это, конечно, уйдет время.

– Да какая разница, в конце концов, – вздохнула Жюли. – Что пропало – то пропало...

– Но если коллекция настолько серьезная, значит, наверняка ваш муж застраховал ее, – пробормотал Арсений. – Он же у вас не лопух какой-нибудь был...

– Наверное, ты прав, – Жули внимательно посмотрела на подростка – тот, нисколько не смутившись, отвечал ей своим ясным взглядом. – Дональд, после обеда, позвони-ка Манолису, если существуют какие-то бумаги – они у них. Это наш местный стряпчий, – пояснила она.

– Кстати, – не унимался Арсений, – а где был спрятан ключ от витрины? И кто о нем знал?

- Да нигде, – вздохнула Жюли. – Лежал на шкафу. Раньше Моррис держал его в сейфе...
- У нас вообще все так, – подтвердил Дональд, покосившись на жену. – Колечки с бриллиантами валяются в ванной, пасхальное яйцо Фаберже пылится в будуаре... Кстати, ты бы проверила.
- Я уже посмотрела. Вроде, все на месте.
- То есть, практически любой человек, пошарив рукой по шкафу, мог обнаружить ключ, – подытожил подросток.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.